

***ПАРТИЗАНСКАЯ
ЗЕМЛЯНКА
В РЫШКОВСКОМ ЛЕСУ***

В.В. Щёголев

***ПАРТИЗАНСКАЯ
ЗЕМЛЯНКА
В РЫШКОВСКОМ ЛЕСУ***

2020

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Междуречье Протвы и Нары покрыто дремучими и заповедными лесами. Недаром на этой территории расположен Тарусский заказник. Эти места всегда привлекали охотников. Например, здесь любили охотиться дворяне Челищевы, а в наше время генеральные секретари и президенты. Но не только охотники нарушали тишину этих мест. На берега Протвы приходили пограбить, жившее здесь племя голедь в 1058 году, черниговский князь Святослав Ольгович около 1147 года. В 1571 разорил многие веси и села Крымский хан Дивлет Гирей. Смутное время оставило свой, неизгладимый след. Поляки Лжедмитрий II с Яном Сапегой, проходя из разоренного Боровска в Серпухов, поставили точку в существовании Рышковского монастыря. В 1812 году сюда пожаловали французы, а в 1941 году немцы. Они здесь пытались хозяйничать почти три месяца. Между этими событиями народ здесь жил тихо.

Рышковских партизанская база находилась в районе действия Южной зоны Подмосковного партизанского движения, в который входили Серпуховской, Высокинический и Угодско-Заводский районы. В октябре-декабре здесь противостояли 43 и 49 армии русских 12 и 13 армейским корпусам немцев. Здесь действовали несколько партизанских отрядов, несколько групп диверсионно-истребительных отрядов, выходили из окружения более 1000 бойцов красной армии, разведчики противоборствующих сторон, грузы и техника немцев и др. В этой сложной обстановке удалось незаметно подготовить и провести удачную операцию по разгрому штаба 12-й немецкой армии, находившейся в селе Угодский Завод.

В конце 1970-х годов автор со своим родственником Володей Карповым в один жаркий летний день решили прогуляться вниз по течению Нары. Перешли в брод реку на левый её берег у деревни Мельховое и дошли до деревни Муковнино. По дороге не один раз купаясь в удобных местах. Прошли плотину под Булгаковым и не доходя Муковнино, наблюдали в заводи в прозрачной воде, освещённой лучами солнца, лениво плавающих щук. Так как день уже клонился к вечеру, надо было возвращаться домой в Рышково. Обратным кружным путём идти было долго и мы решили вернуться напрямик через лес. Ещё раз перешли Нару у деревни Сидоренко. Прошли мимо кояги, в которой полоскали женщины бельё, спросили дорогу. Собственно дороги-то нет, только кружны тропы. Решили идти напрямик, ориентируясь по солнцу. Почти сразу у Сидоренко в лесу встретилась огромная и глубокая впадина, о которой нас предупреждали. Рискнули и пошли через неё. Поваленные деревья, завалы, бурелом, крапива и прочее. Дальше не намного лучше. Ближе к Рышково лес светлее и уютнее.

Оглядываясь назад, становится ясно, что мы прошли по части Стремилковского рубежа 17-й и 43-й армии и маршруту, ведущему к Рышковской партизанской базе. Реально мы прошли совсем рядом.

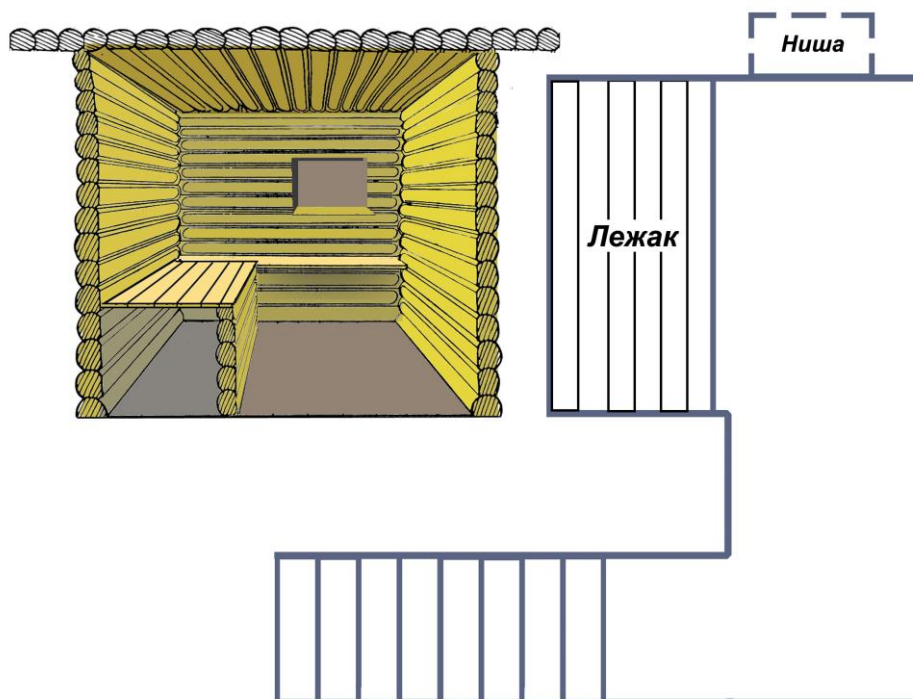

Схема землянки, какой её видели в 1970-гг. Настоящая землянка была без «парадного» входа. Были лазы, которые легко можно было замаскировать, о чём повествуется ниже. Так как ухаживать за деревянной землянкой обременительно, то дерево заменили на бетонные плиты. Землянку партизанского отряда «Смерть фашизму» из бетонных плит можно увидеть недалеко отсюда в Серпуховском районе недалеко от автобусной остановки «Маслова сторожка» - она лучше сохранилась. Наша землянка развалилась. Около неё построили очистное сооружение.

Далее предлагаются материалы, в которых упоминается о событиях, связанных с нашей партизанской базой

Председатель из Угодки.

Е.Н. Носков, А.К. Тараданкин

Мы попрощались, сознавая, что вряд ли скоро встретимся.

Из воспоминаний Н. М. Васильева

Почему тогда искал меня Гурьянов?.. Подпольный райком и партизаны Угодки должны были согласовать свои действия с областным центром. К тому же Гурьянов искал своих людей. И вот в связи с чем.

Во второй половине октября, когда фашистские войска уже ворвались в район, Угодско-Заводский отряд был разделен на две группы. Этой мерой московское руководство партизанским движением рассчитывало шире охватить территорию, оккупированную врагом. Так советовали и военные специалисты. Гурьянов стал после разделения комиссаром второго отряда. Однако обстоятельства сложились так, что в дальнейшем осталась лишь первая группа партизан, ушедших на базу во главе с Кирюхиным и Карасевым.

По воспоминаниям участников тех событий можно в какой-то степени представить происшедшее.

...Фашисты врываются в район. Партизанские группы уже отправлены на свои базы. Курбатов и Гурьянов заняты последними организационными приготовлениями для ухода в подполье. Противник захватывает Угодку.

Выполнив свое задание, Михаил Алексеевич с Курбатовым и несколькими бойцами отправляются в свой отряд, но на базе никого не находят. Как выяснилось впоследствии, командир второго отряда, убедившись, что район густо забит противником, и не дождавшись комиссара, самолично решил вывести партизан к боевым порядкам наших войск. Затем отдал распоряжение бойцам рассредоточиться и, перейдя линию фронта, влиться в регулярную армию. Не все бойцы ушли за линию фронта, некоторые остались в зоне действий отряда.

В небольшой группе бойцов с Гурьяновым тогда оказался коммунист Михаил Яковлевич Демидов. До войны он работал на одном из московских предприятий, а в Угодку его направили из Коломны, где он прошел вместе со своим земляком Василием Ивановичем Домашовым специальные курсы подрывников. Примерно за неделю до того, как фашисты начали оккупировать район, Демидов прибыл в Угодку. При раз-

делении отряда оба подрывника были назначены во вторую группу.

Из воспоминаний М. Я. Демидова

Шли от станции Обнинской, избегая дорог. Проводником нашим был местный товарищ, фамилию его уже не помню. Он хорошо ориентировался и вел уверенно, в основном по лесу. Уже смеркалось, когда у перекрестка просек мы увидели силуэты людей. Их было четверо. Один выделялся высоким ростом. «Гурьяныч» — сразу определил наш проводник. Мы бы, конечно, не признали сразу угодского предрика, хоть уже мельком успели познакомиться с ним: вместе с Курбатовым он накануне давал нам указание на взрыв котельной.

— В нашем полку прибыло, — обрадовался Гурьянов, увидев нас. — Теперь бы остальных догнать.

Тогда мы и узнали, что, идя к своей базе, Гурьянов и Курбатов, встретившись с двумя партизанами, которые были и теперь с ними, поняли, что произошло с отрядом. Михаил Алексеевич нервничал, говорил: «Вот так командир!.. Никогда бы не подумал, что он так мог поступить». Но, видно, Гурьянов еще надеялся изменить положение: «Давайте догонять. Может быть, успеем вернуть. Может, еще найдем кого-нибудь», — несколько раз повторял он.

Курбатов, который как секретарь подпольного райкома партии отвечал и за второй отряд, решил пробираться к Рыжковскому лесу, одоблив стремление Гурьянова попытаться найти ушедших к фронту.

В ту ночь и на другой день прошагали мы с Гурьяновым не один десяток километров. Через боевые порядки наших войск дошли до Лопасни. У Гурьянова были документы, по которым нас пропускали беспрепятственно. Так и не найдя своих, мы вернулись назад и добрались до базы первого отряда, в Рыжковский лес.

Рейд тот по территории, на которой уже всюду рыскали фашисты, те несколько бессонных суток трудно забыть. Тогда я и убедился, какой сильный и одержимый человек Михаил Алексеевич. Его уверенность в том, что еще можно догнать, вернуть отряд, передавалась и нам. Скажи он, что нужно еще не спать, еще шагать, лишь бы достичь цели, я убежден: все мы без сомнения устремились бы за ним.

Из воспоминаний А. М. Курбатова¹

Михаил Алексеевич, как и я, был сильно раздосадован тем, что произошло. «Я должен, я обязан найти людей», — говорил он мне. И Гурьянов пошел по следам ушедшего отряда. Дошел до Лопасни. Не догнал. Вернулся в свой район. Пришел в первый отряд и сразу включился в подпольную работу райкома, участвовал в действиях отряда. Петр Алексеевич Уланов, начальник райотдела милиции, человек уже немолодой, назначенный ранее комиссаром этой группы, сильно расхворался, и мы отправили его в Москву подлечиться. И роль комиссара стал выполнять я, а в мое отсутствие — Михаил Алексеевич Гурьянов.

Позже Н. М. Васильев дал письменное распоряжение о назначении Михаила Алексеевича комиссаром оставшегося отряда. В Угодско-Заводском районе мы стали вместе осуществлять руководство подпольем.

А отряд тогда находился в весьма сложных условиях. Рыжковский лес хоть и оказался по воле случая в «мертвой зоне», куда враг не проник, а лишь прочесывал его опушки, все же был на своеобразном перепутье. Через него ходили в тыл фашистов и возвращались назад разведчики из 17-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону за Нарой; пользовались этими маршрутами и разведывательные группы чекистов. База отряда при таких обстоятельствах в любой момент могла оказаться рассекреченной.

Линия фронта была неподалеку и обозначалась только передним краем советской обороны, нашими траншеями и дзотами. Фашисты же оборонительных укреплений не строили, не закапывались в землю — они еще были уверены, что тут не остановятся надолго, а двинутся дальше, на Москву. Промежутки между частями фашистских войск были, бесспорно, удобными для проникновения в тыл врага и выхода из него. Но партизанская база, которую готовили с та-

¹ Александр Михайлович Курбатов после изгнания фашистов с территории Угодско-Заводского района стал первым секретарем райкома ВКП(б). С 1947 года — секретарь Калужского обкома партии, позднее на другой партийной работе. Ныне пенсионер, живет в городе Обнинске.

кой тщательностью и осторожностью, подвергалась постоянной опасности.

Однако отряд не бездействовал.

Из сводки Московского комитета ВКП(б) о боевых действиях партизанских отрядов от 4 декабря 1941 года.

Угодско-Заводский район. Отряд... за период с 20 октября по 7 ноября вывел из окружения 1000 бойцов и командиров Красной Армии. В первые пять дней ноября партизанским отрядом убито 23 немецких солдата, взят в плен унтер-офицер, который передан в штаб 17-й стрелковой дивизии. В районе уничтожена телеграфно-телефонная связь.

Донесение это подписано секретарем МК ВКП(б) С. Я. Яковлевым.

В документе, правда, не уточнено время захвата унтер-офицера. Но угодские партизаны вспоминают некоторые обстоятельства его пленения.

Однажды под вечер у дома лесника Тихона Дмитриевича Золотарева объявился немец, судя по форме — не рядовой. Толкнул ногой дверь и вошел. Придирчиво оглядел избу, уселся за стол, закурил и потребовал, чтобы его накормили. Делать нечего. Хозяйка сварила картошки, яиц, поставила самовар. Фашист, опасаясь, чтобы его не отравили, заставил Золотаревых ужинать вместе с ним. Наконец насытился, стал ковырять в зубах. Потом разделся без всякого стеснения и, показав на постель, дал понять, что будет на ней спать.

Золотарев вначале подивился храбрости оккупанта, потом подумал: может, надоело ему кормить вшей со всеми вместе в землянке...

Укладываясь, фашист загнал хозяев на печь, угрозил им кулаком, а сам, положив рядом на лавку гранату, а под подушку пистолет, забрался под одеяло. Утром ушел. А к вечеру опять объявился. И на следующий день. Так и зачастил.

Тихон Золотарев решил сообщить об этом приятелю из ближайшей деревни, чтобы тот передал по цепочке дальше. Дело в том, что, по просьбе Гурьянова, жена Золотарева Мария Антоновна несколько раз пекла хлеб для партизан, и теперь любой их приход был опасен. Весть о «постояльце» дошла до Татьяны

Бандулевич. До войны она заведовала райзагсом, а потом была инструктором райкома партии и по заданию райкома осталась для подпольной работы в Угодско-Заводском и Величковском сельсоветах. По заранее отработанному каналу связи она вызвала на явку Георгия Карпикова и передала полученные сведения. Тот в свою очередь сообщил о «госте» у Золотарева секретарю райкома.

Из воспоминаний А. М. Курбатова

Мы долго раздумывали с Гурьяновым, как поступить. Чем объяснить такое поведение немца? Ведь в одиночку фашисты ходить боялись. А что, если его сопровождают до дома лесника и ведут наблюдение? Хотят устроить засаду? Провокация? Думай не думай — решили проверить. Я предложил послать к дому лесника группу партизан с нашим разведчиком Федором Герасимовичем. В нее включить Василия Горбачева, оперативного работника... Михаил Алексеевич посоветовал отправить с этой группой и Карпикова: «Парень он надежный, — сказал Гурьянов, — комсомолец, силенок много и сноровки хоть отбавляй. Отслужил действительную, и в милиции нашей считался одним из самых исполнительных сотрудников». Порешили так: днем выяснить, прикрывает ли кто «постояльца» Золотаревых, и, если удастся, постараться взять его бесшумно. «Язык» был позарез необходим генералу Селезневу, командиру 17-й стрелковой дивизии, он даже лично передавал нам просьбу раздобыть такового. И вот наконец случай представился.

Из воспоминаний Н. Т. Золотарева

Когда фашисты ворвались в наш Угодско-Заводский район, мне было пятнадцать лет. Жил я вместе с отцом, матерью и младшим братом в лесу, в небольшом домике, который отец занимал как лесник. Помню, в нескольких километрах от нас до того, как появились фашисты, наши рыли землянки. Отец однажды сказал мне: «Коля, где строят землянки и что они вообще есть, никому не болтай». Запомнил я это его наставление, а когда в наш дом пришел тот долговязый немец, понял всю важность отцовских слов...

Немец помногу ел, пытался вести разговоры — знал несколько русских слов. Объяснил, что он из

Гамбурга, что в России ему нравится и он не прочь будет тут поселиться, как на даче, когда они одержат полную победу... Отец молча слушал, в споры не вступал.

На третьи или четвертые сутки, как обосновался у нас тот фашист, днем заметил я за сеновалом человека. Узнал в нем партизана Василия Федоровича Горбачева. До этого он уже заглядывал к нам — мать пекла хлеб для отряда. Горбачев поманил меня и, когда я подошел, попросил незаметно и поосторожнее вызвать отца. Я выполнил его просьбу. Отец вышел вроде бы за хворостом для печи, и они о чем-то поговорили.

Из воспоминаний А. М. Курбатова

Все обошлось как нельзя лучше. Перед вечером Герасимович с группой партизан, по нашей с Гурьяновым рекомендации, устроили у дома лесника засаду. Убедились, что фашист явился один и никто его не прикрывает. С Золотаревым был оговорен час и сигнал, который тот подаст. Унтер отужинал и улегся на кровать. Как только он крепко заснул, по сигналу Золотарева партизаны вошли в дом.

Из воспоминаний Н. Т. Золотарева

Отец в тот вечер постелил себе на полу. Немец уже не возражал, успокоился. Я видел с печки, как он положил под подушку пистолет, а рядом гранату и улегся в постель. Лампу «летучая мышь» по его приказу на ночь не гасили, а только прикручивали. Я не спал, чувствуя, что сейчас что-то произойдет. Было, наверное, часов одиннадцать вечера, когда отец тихонько поднялся, осторожно отодвинул щеколду, открыл дверь. В дом неслышно вошли трое партизан, один из них высоченный. Я узнал в нем уполномоченного райотдела милиции Карпикова. Он подошел к кровати и взял с табурета гранату. Отец подкрутил лампу до яркого света. Немец открыл глаза, дико заорал и сунул руку под подушку. Но Карпиков, а мужик он был сильный и ловкий, тут же на него навалился и руку перехватил. Заткнули немцу кляпом рот, руки связали за спиной и вытащили за дверь...

Мне было очень радостно, хотелось что-то самому предпринять, помочь партизанам, а отец сказал матери: «Сейчас же собируйтесь, запрягайте повозку и че-

рез Скребухово в Станки — к сестре. Тут оставаться больше нельзя, так сказал Гурьянов».

В ту же ночь мы уехали...

Из воспоминаний А. М. Курбатова

Карпиков потом мне и Михаилу Алексеевичу рассказал подробности. Вывели они фашиста из дома. Иди, мол. Тот глаза таращит, мотает головой и — ни с места. Тогда Карпиков попросил товарищей взвалить пленного ему на спину. Протащил его так метров двести и потом вдруг с отвращением сбросил на землю, — обделался «завоеватель» с перепугу... И уж тогда фашист, поняв, что никуда ему не деться, пошел сам.

На первом допросе в дивизионной разведке нескверт знает что. Объяснял свои самовольные отлучки из подразделения тем, что поверил геббельсовской пропаганде: дескать, русские уже сломлены окончательно и вот-вот будет он разгуливать по улицам и площадям Москвы. Да и в избе лесника отдыхать было куда теплее и уютнее, чем в сырой казарме-землянке, а он как-никак был хоть и маленьким, но начальником.

Пленного унтера доставили в штаб 17-й дивизии, который находился в деревне Булычево, а оттуда сразу повезли дальше, в Москву. Сопровождали его Кирюхин и Лебедев.

Отправляя в тыл наших товарищей, мы поручили им подробно доложить о том, что в Угодском Заводе обосновался какой-то крупный фашистский войсковой штаб. Позднее я сам доложил об этом Васильеву.

Михаил Алексеевич еще надеялся собрать и восстановить второй отряд. Высказал предположение, что, перейдя линию фронта, бойцы его могли объявиться в Загорске, куда был эвакуирован наш военкомат: «Что, если все же мне самому съездить к товарищу Денису? — делился своими планами Гурьянов. — Обстоятельно доложить ему обо всем, что у нас произошло, и как-то навести справки, позвонить, наконец, в Загорск?»

В начале ноября я санкционировал «ходку» Гурьянова к товарищу Денису, и он ушел.

Из воспоминаний Н. М. Васильева

В тот раз, в начале ноября, у меня произошла очень короткая встреча с Гурьяновым. Объяснил ему,

кома партии Алехов, председатель райисполкома Гурьянов и начальник райотдела НКВД Кирюхин. Отбирали самых надежных и проверенных, в основном коммунистов и комсомольцев, строго руководствуясь установками, данными обкомом партии и областным центром партизанского движения. И тайно вели в лесах, у деревень Рыжково и Комарово, строительство баз, завозили на них продовольствие, одежду, инвентарь, а в душе еще теплилась надежда, что врага сюда не допустят, что Красная Армия остановит его раньше.

3

И вот одну из баз, с такой тщательностью подготовленную, к середине ноября пришлось оставить. Это случилось незадолго до того, как Гурьянов отправился в Москву.

...Вначале стало известно, что в Рыжково противник подтянул более роты автоматчиков и стал пристально наблюдать за лесом. Потом туда же прибыло несколько танкеток, и фашисты «прочесали» опушки. О действиях немцев Гурьянову сообщил бригадир колхоза «Новый путь» депутат Рыжковского сельсовета Лупов. Выяснить обстановку послали группу разведчиков. Тогда же решили обследовать не только район Рыжково — деревня находилась в двух километрах от основной базы, — но и попытаться, обойдя немецкие посты, посмотреть, что делается и на большаке, у самой Угодки. О передвижениях противника, его приготовлениях хотел иметь больше сведений командир 17-й стрелковой дивизии генерал Селезнев, войска которого продолжали инженерно-саперные работы за Нарой, укрепляя свои позиции по фронту и в глубину обороны.

Этого требовал и товарищ Денис.

Указания Курбатову о необходимости активизировать действия отряда принес прибывший из Серпухова боец отряда Михаил Иванович Соломатин, на которого Курбатов возложил нелегкую задачу: держать непрерывную связь с окружкомом. Много лет спустя об этом человеке напишет бывший секретарь МК ВКП(б) С. Я. Яковлев:

«...Связной Серпуховского окружкома М. И. Соломатин дважды... побывал в партизанском отряде

Угодско-Заводского района и доложил обстановку окрестностям»¹.

Из воспоминаний М. Я. Демидова

Я стоял на посту, схоронившись среди елок. Только что сменил товарища. И вдруг услышал гул моторов. Потом увидел цепь фашистов, перебежавших от дерева к дереву, и две танкетки. Тут же дал сигнал тревоги. Силы были явно неравные. Дай мы о себе знать, раздавили бы нас как мышей. В запасной землянке был выход в овраг. По нему мы и выбрались в глубь леса. Успели прихватить только самое необходимое.

— Будем уходить в Муковнино, — принял решение Гурьянов.

Мне и еще одному партизану, кажется, Карпикову, он велел через некоторое время вернуться назад и, если фашисты уйдут, дожидаться у землянки возвращения разведчиков, чтобы предупредить их, где искать отряд.

Так мы и поступили. Нужно сказать, что, уходя с базы, партизаны замаскировали лазы в землянку. И сделали это так основательно, что немцы, прочесывавшие лес, ее даже не обнаружили. А вот кухню нашу нашли, все разломали. Вернулись мы, когда немцы ушли, дождались разведчиков и направились в Муковнино.

Вторая группа партизан, вернувшись из разведки, вынуждена была уйти на запасную базу. Но враг напал на другой день и на эту базу. Армейские разведчики, действовавшие по заданию генерала Селезнева, 17 ноября натолкнулись на крупное подразделение фашистов, которое начало преследовать разведчиков вплоть до запасной базы отряда. Разведчики оказали сильное сопротивление, и фашисты начали пятиться прямо на землянки партизан. Ждать было нельзя. Командир отделения взял командование на себя и приказал бойцам занять оборону и открыть огонь в спину отходящего на них противника. Фашисты замешались, не понимая, что происходит, кинулись в сторону, думая уже об одном: как бы поскорее выбраться из окружения и из леса.

Армейское подразделение благодаря такой помо-

¹ Битва за Москву. М., 1975, с. 412.

щи благополучно оторвалось от преследователей, но и эта запасная база оказалась проваленной. Нечего уже было и думать оставаться на ней. И эта группа перешла через линию фронта в Муковнино.

Из донесения товарищу Денису

...Партизан Колесин захвачен в плен.

...Колхозник Китайкин повешен немцами в сарае д. Лыково за укрытие коммуниста.

...Немцы совершили налет на партизанский лагерь...

Такие печальные известия М. И. Соломатин понес в Серпухов.

А в Муковнино стали подходить подразделения для выполнения особого задания. Прибыли группы, хорошо подготовленные и обученные для действий в тылу врага.

Из воспоминаний М. И. Коньковой¹

Вначале я участвовала в нескольких смелых диверсионных актах в соседнем с Угодско-Заводским Высокиническом районе. После выполнения задания наша группа вернулась в Москву. Я очень обрадовалась, узнав, что снова пойду на задание.

Помню, в Серпухов прибыли в морозную ночь. Затем долго шли до какого-то полустанка. К рассвету добрались до деревни Муковнино. Тогда мы еще не знали, какие точно нам поставят задачи. Знали только, что пойдем в тыл врага. В Муковнино слышали, что тут же есть местные товарищи, партизаны из Угодско-Заводского района и что действовать нам, видимо, предстоит с ними вместе.

Из воспоминаний А. М. Курбатова

Возвращение Гурьянова вызвало в отряде воодушевление. Пока Михаил Алексеевич отсутствовал, обстановка сложилась так, что мы не имели возможности предпринимать какие-либо активные действия.

¹ Мария Ивановна Конькова (по мужу Семенова) до войны работала на Люблинском литейно-механическом заводе. В 1941 году стала бойцом истребительного батальона. Затем участвовала в разведывательно-диверсионных операциях, выполняла задания в тылу немецко-фашистских войск. Ныне пенсионер. Живет в Москве.

Возвращаться в лес не имело смысла. Противник продолжал рыскать в непосредственной близости от нашей базы, находиться на ней было практически нельзя. Подразделения фашистов, прочесывая местность, подходили к нашим землянкам буквально на десятки метров. Только хорошая маскировка уберегла базу.

Радио у нас не работало. Поэтому московские новости, принесенные Михаилом Алексеевичем, мы впитывали, как пьет земля воду после засухи. Он рассказывал, где и с кем разговаривал, что ему «всыпали» как предрику и члену бюро райкома за то, что не сумели сохранить второй отряд. Неожиданно спросил:

— Угодку наша авиация не бомбила?

— Был налет,— сказал Исаев, который чаще других выходил туда на разведку.

— И куда угодили? Не в райисполком?

— У молокозавода несколько бомб разорвалось, за школой. А в чем дело?

— Просил я там одного авиационного полковника по фамилии Ладыка. Схему нарисовал: объяснял, где фашисты обосновались, где у них, по нашим сведениям, техника, где склады боеприпасов. Ну ничего, еще прилетят...

Потом собрали отряд, и Гурьянов рассказал о выступлении И. В. Сталина на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великого Октября, и на Красной площади перед участниками военного парада. Некоторые фразы из этих выступлений Михаил Алексеевич повторял слово в слово. Говорил горячо, и слова его ложились в сознание партизан как зерна в благодатную, созревшую для посева почву. Говорил, что в Москве знают об Угодке.

В середине ноября связной подпольного окружкома Мозгов передал мне, чтобы я без промедления прибыл в Серпухов к товарищу Денису. Мы обстоятельно побеседовали с Гурьяновым, который на время моего отсутствия оставался партийным руководителем района и комиссаром отряда. Наметили, кого назначить политруками в отделениях и какую политическую работу провести. Михаил Алексеевич напутствовал меня, сказал, какие, на его взгляд, вопросы стоит обсудить. Предлагал, например, если сохранилась база второго отряда, перевести туда группу подрывников, которую хотел возглавить сам. Потом Гурьянов выложил целый перечень вопросов, требующих разре-

шения: от регулярной доставки газет, листовок, питания для приемника до сапог (даже назвал, сколько нужно,—десять пар). Оказывается, сам все это уже проверил. Он просил поговорить с Васильевым о подключении к нашим действиям партизанских отрядов соседних с нами Высокинского и Серпуховского районов.

Я поблагодарил Михаила Алексеевича за дельные советы и ушел вместе с М. И. Соломатиным в Серпухов. Однако в городе Н. М. Васильева не застал, его вызвали в Москву. Первый секретарь Серпуховского горкома ВКП(б) В. С. Гусев передал мне указание: ждать. За несколько дней, пока Васильев был в Москве, я переговорил с секретарем Серпуховского сельского райкома товарищем Железновым (он был одновременно комиссаром партизанского отряда «Смерть фашизму») о возможных совместных действиях. Договорились в дальнейшем держать связь. В. С. Гусев связал меня с инструктором политотдела армии, который обещал похлопотать о выделении нам большего количества газет, брошюр и листовок. Потом сумел договориться о снабжении нашего отряда через 17-ю стрелковую дивизию хлебом.

20 ноября приехал Васильев, мы обсудили с ним положение в нашем районе и отряде и Николай Михайлович приказал мне срочно возвращаться в свой район.

Но отряда я на месте уже не застал.

В этот период гитлеровцы копили силы для очередного и, как им казалось, окончательного удара по Москве. А командование советских войск готовило контрудар Западного фронта. И наносить его должны были сначала от Серпухова, куда прибыли свежие силы и в их числе кавалерийский корпус генерала Белова.

4

В один из ноябрьских дней к передовым позициям 17-й стрелковой дивизии прибыл отдельный батальон особого назначения. Это мощное специальное подразделение, подчинявшееся непосредственно командованию Западного фронта, возглавлял опытный, уже обстрелянный в боях полковник Сергей Иванович Иовлев. Личный состав батальона был прекрасно вооружен и экипирован. Бойцы его многое умели,

Физически крепкие, прошедшие отличную военную выучку, эти люди метко стреляли и бросали гранаты, могли быстро ориентироваться на местности; среди них были люди, хорошо знавшие подрывное дело.

Из воспоминаний П. И. Москаленко¹.

В батальон особого назначения я попал с группой бойцов из Люберец. Батальон этот формировался главным образом из личного состава подразделений аэродромного обслуживания военно-воздушных сил. Офицеры в основном были из пехоты, имевшие уже боевой опыт. Меня, сержанта, поставили командиром отделения в роту лейтенанта Ковалева.

Формировался батальон — а в нем собралось более 600 человек, квартируясь в Барвихе. Оттуда большой колонной на грузовиках мы через Москву направились к фронту. По дороге несколько раз попадали под бомбежку. Из машин высадились, не доезжая до линии нашей обороны, и дальше километров пять шли пешком к небольшой деревне Булгаково. Она раскинулась на берегу замерзшей реки Нары, так же как и деревня Муковнино, оставшаяся правее, где Иовлев развернул свой штаб.

Узнали, что часть нашего батальона отстала во время бомбежек. Автоколонна разорвалась на несколько групп. Полковник Иовлев, как мне стало известно позднее, отправил назад, к Подольску, своего заместителя по разведке капитана Жабо собрать оставших и подтянуть их к фронту. А мы стали ждать сумерек, чтобы идти в тыл врага. Командир батальона, видимо, еще надеялся, что отставшие подъедут, но когда этого не произошло, отдал приказ, выступил перед строем бойцов и объявил, какая важная стоит перед нами задача.

В нее входило: проникнув на занятую врагом территорию, уничтожать мосты и переправы, нарушать связь, мешать передвижению фашистов по дорогам. Этими действиями, по замыслу командования, мы должны были помочь не только оборонявшимся, но и

¹ Павел Иванович Москаленко был командиром отделения в батальоне особого назначения. Участник боевых действий в Угодско-Заводском и Высокиническом районах. Позднее выполнял специальные задания в Брянских лесах, где стал комиссаром отряда. Войну закончил начальником разведки стрелкового полка. Ныне полковник запаса. Живет в Москве.

ленные нам автобатальоном штаба Западного фронта, тотчас ушли назад. Они и так задержались, а им предстояло какое-то новое задание. В темноте дошли до деревни Бобынино, и Жабо, получивший до этого от полковника Иовлева инструкции, решил устроить большой привал. Основные силы догонять, видимо, было уже поздно. Мы поели и кое-как устроились на ночлег. В Бобынино было тесно. Здесь же располагалась какая-то кавалерийская часть. Фронт был рядом, светился всполохами, трясла землю артиллерийская канонада. Было холодно, но костры жечь не разрешалось.

Лишь на вторые сутки мы пришли в деревню Муковнино, за которой у берега Нары проходила наша оборона.

В Муковнино почти все дома были заняты. Мы расположились в сараях, в копнах сена. Деревня стояла на высоте, на открытом месте. В светлое время по ней ходить запрещалось.

В Муковнино и произошла первая встреча Владимира Владиславовича Жабо с угодскими партизанами и группами, подошедшими сюда из нашего тыла.

Из воспоминаний Г. Г. Резо¹.

Мы прибыли в Муковнино и расположились в избах в ожидании решения. Было уже известно, что наш батальон действует за линией фронта. Капитан Жабо ушел и скоро вернулся с какими-то людьми. Среди них я хорошо запомнила двоих. Одного — он был моложе — в ватнике, перетянутом ремнями, и с маузером на боку, другого — высоченного, широкоплечего. «Наверное, генерал какой-нибудь», — почему-то подумала я и ждала, что сейчас прозвучит команда «смирно».

— Это партизаны, — сказал Жабо и представил их: — Начальник здешнего отряда Карасев и комиссар Гурьянов.

А я все смотрела на великана: статный, плечистый, он мне напоминал почему-то актера Николая Симонова в роли Петра I из фильма, вышедшего на экраны незадолго до войны.

¹ Галина Георгиевна Шулепина (бывшие партизаны, как правило, называют ее прежнюю фамилию — Резо). До войны — медсестра в одной из московских поликлиник. Ныне медсестра плавательного бассейна стадиона «Динамо» в Москве.

Фото начала 1970-х гг.

Щёголев В.В. служил в Группе Советских войск в Германии. Его отец, Виктор Алексеевич, воевал в 43 армии в 1943-45 гг. Ягодкин А.И. дослужился до младшего сержанта. Панков Б.В. – сын Панкова В.И. председателя сельсовета колхоза «Новый путь» и подпольщик в период немецкой оккупации. Карпов Ю.А. служил в железнодорожных войсках. Его мама, Таисия Гавриловна, информировала поисковиков (см. ниже). Трое родились в 1942 году. Ягодкин - в 1947 году.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН

<https://docviewer.yandex.ru>

Угодско-Заводский райком партии создал два партизанских отряда. Командиром одного из них был назначен командир истребительного батальона лейтенант-пограничник В.А.Карасев, комиссаром – П.А. Уланов. Второй отряд возглавил И.Е. Данилов, комиссаром был председатель райисполкома М.А. Гурьянов. Но второй отряд вскоре прекратил свое существование, большинство его бойцов не явились к месту сбора, а вступили в ряды Красной Армии.

Остальные присоединились к первому отряду. Позже по болезни выбыл из отряда и был переправлен через линию фронта П.А. Уланов, комиссаром объединенного отряда стал секретарь райкома партии А.М. Курбатов.

Фронт неумолимо приближался к границам нынешнего Жуковского района. В нем сосредоточивались выходившие из окружения обескровленные советские части и соединения. Так, 7 октября пробившаяся из окружения 60-я стрелковая дивизия сосредоточилась в Тарутине. На следующий день, 8 октября, сильно ослабленная после тяжелых боев на территории Малоярославецкого района 53-я стрелковая дивизия 43-й армии дислоцировалась в Белоусове, Колесникове, Алешинке. Другие выходившие из окружения, также обескровленные дивизии 43-й армии расположились в следующих населенных пунктах: 113-я стрелковая дивизия – в Добром и у станции Обнинское; 211-я стрелковая дивизия – в Воробьях и Акатове; 149-я стрелковая дивизия – в Александровке и Пантелеевке; 145-я танковая бригада – в Чубарове. А 148-я танковая бригада, очень сильно пострадавшая в боях, была переведена для восстановления и пополнения в Наро-Фоминск. Вышедшая из окружения 17-я стрелковая дивизия полковника П.С. Козлова 33-й армии 11 – 12 октября насчитывала всего 17 командиров и 94 бойца, которые имели 123 винтовки, 2 автомата и пулемет. К 15 октября это число за счет вышедших из окружения возросло до 558 человек, что составило всего 6 процентов от первоначальной численности дивизии. Постепенно дивизия пополнялась. Советское командование предпринимало все меры, чтобы остановить продвижение противника к Москве. Учитывая, что к 24 октября в 312-й стрелковой дивизии осталось 300 человек, а в 53-й – 1500, командование 25 октября объединило их в одну, которая стала называться 53-й стрелковой дивизией, во главе с полковником А.Ф. Наумовым (полковник Н.П. Краснорецкий к этому времени погиб). Объединенная дивизия заняла и сумела прочно удерживать оборону в полосе Каменское (Московская область) – восточная окраина Тарутина (Жуковский район) – Кресты и Стремилowo (Московская область). 17-я стрелковая дивизия с одним полком 312-й стрелковой дивизии вынуждена была отходить в район Тарутина.

Остальные же полки 312-й стрелковой дивизии были рассеяны противником.

В район Тарутина также выдвигалась 53-я стрелковая дивизия с целью занять рубеж Сухоносowo – Тарутино – Агафьино.

На следующий день, 21 октября, немцы в 19.2 овладели Ореховкой. 113-я стрелковая дивизия 33-й армии вела бои по восточному берегу р. Истья и постепенно пятилась назад, оставляя один рубеж за другим. Войска 33-й армии вели бои уже на наро-фоминском направлении. 43-я армия с боями продолжала отходить к р. Наре. Мужественно сражались воины 201-й воздушно-десантной

бригады, отбившие три атаки противника. 17-я стрелковая дивизия отходила на Корсаково. К вечеру этого дня противник овладел Борисковом, Макаровом, Тарутином, Угодским Заводом.

Части 43-й армии (312-я, 53-я, 17-я стрелковые дивизии) до 16 удерживали рубеж Орехово – Дубровка, а затем немцы перебросили сюда еще один пехотный полк, благодаря чему усилили наступление и в 16 заняли Корсаково и Высокиничи. В этот день особенно героически сражались два батальона 1079-го стрелкового полка, которые в ходе атаки освободили Макарово. Но немцы контратакой вернули себе деревню. Дважды Макарово переходило из рук в руки, но под танковыми ударами фашистов батальоны понесли большие потери и отступили.

23 октября горячие схватки с врагом произошли на Варшавском шоссе, где части 312-й, 53-й, 17-й стрелковых дивизий вели бои на рубеже Ольхово – Гремячево. В 14 фашисты силами до пехотного батальона с тремя танками начали наступление в направлении Чубарова и в 17.3 заняли его. 201-я воздушно-десантная бригада, входившая в 43-ю армию, начала отход за р. Нару. На ее восточном берегу, на рубеже Инино – Ольхово, оборонялись бойцы 10-й воздушно-десантной бригады. 28 октября советские войска окончательно остановили продвижение врага вдоль р. Нары на рубеже Буриново – Воронино – Синятино – Боровна – Кременки (Жуковский район) – Юрятино (Тарусский район). Они спасли от фашистской оккупации участок калужской земли восточнее этого рубежа, включая часть территорий Тарутинского, Чубаровского, Буриновского, Троицкого сельсоветов. На нарских рубежах стойко сражались бойцы и командиры 53-й стрелковой дивизии полковника А.Ф. Наумова, 17-й стрелковой дивизии генерал-майора Д.М. Селезнева, 60-й С 23 октября по 20 ноября бойцы Угодско-Заводского партизанского отряда провели из вражеского тыла через линию фронта тысячи советских бойцов и командиров, которые затем влились в состав действующей армии. Очень эффективной была партизанская разведка. Связные Я.К. Исаев и П.М. Артемьев много раз переходили линию фронта через передний край 17-й стрелковой дивизии и передавали командованию добытые ими разведданные.

Командование дивизии использовало их при проведении боевых операций, например, при освобождении д. Рыжково, которое прошло без потерь. Я.К. Исаев и П.М. Артемьев приносили из-за линии фронта в отряд свежие газеты и сводки о положении на фронтах. Вблизи Марына партизанским разведчикам удалось обнаружить штаб немецкого полка и артиллерийскую батарею. Сведения были переданы командованию 17-й стрелковой дивизии. Вскоре советская артиллерия уничтожила немецкий штаб и батарею.

Партизаны сообщили командованию дивизии, что в Тарутине противник сосредоточил крупные силы для нанесения удара по советским войскам. А на правом берегу р. Нары, у Границева, в помещении больницы расположился штаб фашистов. Командование дивизии для уточнения партизанских сведений направило в тыл врага войсковых разведчиков во главе с лейтенантом С.И. Кудиновичем. Партизаны провели разведчиков в тыл врага, где бойцы В.Г. Смирнов и Марченко установили расположение огневых точек, складов с боеприпасами и горючим, а потом благополучно переправили их назад, в расположение дивизии. В течение нескольких дней советские самолеты успешно бомбили врага по указанным объектам и нанесли ему большой урон.

В Буринове фашисты накапливали большие силы и технику для удара по Серпухову. Командованию Угодско-Заводского партизанского отряда от подпольщика лесника Т.Д. Золотарева стало известно, что к нему в дом часто навещается гитлеровский офицер. Было решено взять его живым. Партизанские разведчики Г.Р. Карпиков, Ф.С. Герасимович, В.Ф. Горбачев, П.С. Шипилов, А.А. Александров с помощью лесника Тихона Дмитриевича Золотарева и его жены Марии Антоновны блестяще провели эту операцию. Вражеский офицер был доставлен на партизанскую стоянку, а потом переправлен в штаб 17-й стрелковой дивизии, где дал ценные показания. Командир дивизии генерал-майор Д.М. Селезнев объявил отряду благодарность. А через некоторое время по скоплению вражеских войск был нанесен массированный бомбовый удар с воздуха. У железнодорожного разъезда партизаны повредили электростанцию, водонапорную башню и отопительную систему. В схватке с врагом партизаны уничтожили 23 фашиста, взяли в плен унтер-офицера и подорвали пять автомашин с боеприпасами. Пленного немца партизаны переправили через линию фронта и сдали в штаб 17-й стрелковой дивизии.

В середине ноября 1941 г. немцы в 500 – 700 метрах от партизанской базы установили артиллерийские батареи и стали вести стрельбу по позициям 43-й армии. Партизаны передали координаты расположения немецких батарей нашему командованию. Советская артиллерия нанесла прицельный огонь по немецким орудиям и подавила их.

Поняв, что батареи обнаружены, немцы поспешно снялись с позиций, находившихся рядом с партизанской базой.

Усилившиеся снегопады резко осложнили положение партизан. Захватчикам удалось выследить патриотов, и 24 ноября 1941 г. они напали на партизанский лагерь. Но, получив отпор, каратели вынуждены были отступить до подхода подкрепления. Партизаны поняли, что оставаться на базе было нельзя. В ту же ночь народные мстители ушли к границам Угодско-Заводского района,

Проделав труднейший 80- километровый путь по лесной дороге. Двигались, как правило, ночью, а днем отдыхали. При переходе второй линии вражеской обороны партизаны все же столкнулись с группой немецких солдат. Произошла короткая схватка. Партизанам удалось оторваться от противника. Но вскоре гитлеровцы снова обнаружили отряд и стали его преследовать. В одной из схваток с карателями погибли командир одной из групп А.М. Семичев и партизан К.В. Воинов, бывший секретарь Высокиничского райкома партии. Партизаны во главе с командиром и комиссаром после тяжелых восьмидневных переходов вернулись на старую базу, которую немцы хотя и разгромили, но продовольственных запасов не обнаружили. Отсюда партизаны продолжили вновь наносить удары по врагу. Положение народных мстителей, однако, осложнялось тем, что в ноябре 1941 г. немцы построили сплошную линию обороны. Поэтому неоднократные попытки партизан перейти линию фронта успеха не имели. Связь с частями 43-й и 49-й армий была прервана. Она восстановилась в декабре 1941 г., когда началось контрнаступление Красной Армии под Москвой.

Гитлеровцы, стремясь покончить с партизанским движением, искали народных мстителей обычно там, где совершались партизанские налеты, то есть в 20 – 30 км от партизанских баз. Они не могли догадаться, что эти базы – у них под носом, буквально в 4 – 5 км от передовой. Так, например, 19 ноября Угодско-Заводский партизанский отряд внезапным налетом разгромил на хуторе Ясная Поляна карательный отряд фашистов, уничтожив 20 гитлеровцев без потерь для себя.

Усилия немцев обнаружить партизан вблизи Ясной Поляны оказались тщетными, так как те успели отойти к своей базе, в сторону линии фронта. Помимо Угодско-Заводского и Высокиничского партизанских отрядов на территории района действовали шесть отрядов из состава Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД (ОМСБОН НКВД) (отряды под командованием Амурского, В.Н. Бабакина, В.В. Жабо, Д.К. Каверзнева, Деднева, Лихого), Коломенский партизанский отряд во главе с Н.В. Шивалиным, армейский отряд Особого назначения под командованием полковника С.И. Иовлева, а также диверсионная группа подольского партизанского отряда. Они выполнили ряд важных заданий советского командования и провели несколько важных операций. Почти все они имели связь с местными партизанами, оказывавшими им необходимую помощь. Так, например, 12 ноября 1941 г. партизан Я.К. Исаев перевел через линию фронта у д. Муковнино отряд полковника С.И. Иовлева, насчитывавший около 250 бойцов. К исходу дня отряд сосредоточился у д. Черная Грязь и начал боевые действия. За 10 дней рейда он уничтожил 72 автомашины, 42 повозки с имуществом, 12 мотоциклов, танк, оружие, склад боеприпасов и около 900 фашистов. Отряд Амурского провел несколько диверсий и захватил в плен немецкого офицера с документами, которого переправил в штаб 60-й стрелковой дивизии. Кроме них, в тылу врага с 26 сентября до 7 октября 1942 г. действовал сформированный в Москве истребительно-диверсионный отряд численностью в 70 бойцов под командованием Цысаря (комиссар – лейтенант государственной безопасности В.Н. Бабакин). 26 октября он был переправлен в район Серпухов – Трояново с задачей уничтожения живой силы противника и дезорганизации его тыла. В районе деревень Трояново, Буриново, Макарово и Покров москвичи совместно с высокиничскими партизанами уничтожили около 20 немецких солдат, две штабные машины с семью офицерами, в том числе одним полковником, истребитель «Мессершмитт-109», сделавший вынужденную посадку недалеко от партизанской базы. Народные мстители сожгли заправочную базу горючего и подорвали две подводы с артиллерийскими снарядами.

Благодарная Родина высоко оценила стойкость и мужество подпольщиков в борьбе с врагом. Оставшиеся в живых были награждены: В.И. Шахов – медалью «За отвагу», Н.Ф. Токарева, Е.П. Терешина, Н.В. Агеева, М.Г. Жигачева – медалью «За боевые заслуги». Наиболее крупной, вошедшей в историю Великой Отечественной войны партизанской операцией в период битвы под Москвой, стало нападение на штаб 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии немцев, находившийся в Угодском Заводе. Местоположение штаба было разведано угодско-заводскими партизанами. Было решено разгромить его, но своих сил для этого явно не хватало. Комиссар Угодско-Заводского партизанского отряда М.А. Гурьянов (он был назначен комиссаром после того, как бывшего комиссара А.М. Курбатова срочно вызвали в подпольный окружной комитет в Серпухов) в начале ноября докладывал о деятельности угодско-заводских партизан в Московском обкоме партии, который посоветовал связаться с командиром 17-й стрелковой дивизии генерал-майором Д.М. Селезевым и попросить помощи. Вскоре к партизанам прибыли омсбоновские отряды во главе со старшим лейтенантом Д.К. Каверзевым, лейтенантом В.Н. Бабакиным, небольшой отряд под командованием младшего лейтенанта милиции Н.В. Шивалина из Коломны и небольшая диверсионная группа из Подольска – всего 65 человек. Но и этих сил было недостаточно. Обратившись за помощью к командующему Западным фронтом Г.К. Жукову, партизаны получили солидное подкрепление – крупный омсбоновский отряд численностью 208 человек во главе с капитаном В.В. Жабо. Таким образом, сводный отряд насчитывал 302 бойца. Командиром его был назначен капитан В.В. Жабо.

Позднее Г.К. Жуков в своих воспоминаниях писал: «Владимир Владимирович Жабо... кадровый офицер-пограничник, он отличался большим мужеством и храбростью. Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В.В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело. Как уроженец тех мест, где отряду предстояло действовать, я знал хорошо местность, где дислоцировались соединения 12-го корпуса противника, и дал ряд советов».

После тщательной подготовки отряды полудни 20 ноября двинулись в поход. Впереди, выслав разведчиков, шли партизаны Угодско-Заводского отряда. Успешно преодолели линию фронта. Остановившись в указанном партизанами безопасном месте, командование отряда приступило к разработке плана операции. В Угодский Завод вместе с партизанами пробрались и омсбоновские разведчики. Они установили, в каких зданиях разместились вражеские подразделения, где находятся склады, гаражи, штабные учреждения, где и как расположена их охрана. Все это было учтено при разработке плана операции. Поскольку всякое движение в населенных пунктах прекращалось с наступлением темноты, нападение решили начать 24 ноября в два часа ночи. Атаке должны были подвергнуться восемь важных объектов противника. Соответственно этому отряд был разделен на восемь групп, а проводниками были назначены местные партизаны. В их задачу входило провести группы к объектам наиболее безопасными путями.

В ночь с 23 на 24 ноября сводный отряд вышел на северо-восточную окраину Угодского Завода и расположился в 800 м от него на опушке леса. После краткого отдыха в час ночи боевые группы заняли исходные позиции для атаки. Партизаны быстро перебили охрану. Почти одновременно во многих местах была порвана телефонная связь. Взлетели на воздух два склада с горючим. Горели автомашины, рвались ящики с боеприпасами и бочки с бензином. Враг растерялся. Гитлеровцы приняли партизанский отряд за большой парашютный десант и не смогли сразу организовать оборону. Пока оккупанты приходили в себя и пытались собрать свои силы, партизаны продолжали истреблять захватчиков. Группа, которую возглавлял лейтенант В.А. Карасев (здесь же был и комиссар отряда М.А. Гурьянов), нанесла удар по зданию райисполкома, где находился вражеский штаб, уничтожив находившихся там гитлеровцев. Группа старшего лейтенанта Г. Пигасова, разгромив занятые немцами помещения районного Дома культуры и сберегательной кассы, уничтожила склады

горючего и здание конюшни на территории лесхоза. Группы старшего лейтенанта Д.К. Каверзнева, лейтенанта В.Н. Бабакина и младшего лейтенанта Н.В. Шивалина перебили солдат и офицеров, занявших помещение райкома партии, районного отдела внутренних дел, конторы МТС и узла связи. Группа капитана В.В. Жабо успешно атаковала кирпичное здание семилетней школы, где расположились часть штаба и офицерское общежитие. Ворвавшись в здание и уничтожив находившихся там гитлеровцев, бойцы в одной из комнат обнаружили спрятавшегося немецкого полковника. Он яростно отстреливался, и В.В. Жабо пришлось его прикончить. Здесь же, в комнате, был обнаружен кожаный портфель, в котором находились секретные штабные документы. Тяжелый бой выдержала группа лейтенанта К.Г. Филипповича в свиновхозе, где враг имел численное превосходство и оказал отчаянное сопротивление. Но и оно было сломлено. Разгромив захватчиков, партизаны взорвали авторемонтную мастерскую. Еще одна группа атаковала комендатуру гарнизона, находившуюся в здании районной больницы и аптеки. Сложное задание получили подрывники, которых возглавлял угодчанин И.Я. Токарев. Нужно было в считанные минуты взорвать охранявшийся мост через р. Угодку, склад с горючим и боеприпасами, конюшню. Стремительный бросок – и запылала конюшня, взлетели на воздух склад с горючим и боеприпасами. А вот мост взорвать не удалось. Вражеская охрана заметила партизан, подползавших к мосту, и открыла огонь. (Он-то и послужил в свое время для всех партизан сигналом к атаке.)

Вся операция по разгрому штаба 12-го армейского корпуса длилась чуть более часа. Во время ночной партизанской атаки штаб 12-го армейского корпуса был настолько разбит, что оставшиеся в живых его офицеры не смогли даже сообщить командованию армии о случившемся. Это сделал штаб 87-й немецкой пехотной дивизии. В сохранившихся документах говорится: «... В ночь с 23 на 24.11 хорошо вооруженный истребительный батальон приблизительно в 300 человек напал на Угодский Завод – местопребывание штаба 12-го армейского корпуса. Бергман».

Поставленную задачу сводный отряд успешно выполнил. Пора было отходить, пока противник не опомнился и не вызвал подкрепление. Через линию фронта бойцы отряда выходили группами. Вышли все в распоряжение 17-й стрелковой дивизии благополучно, кроме группы М.А. Гурьянова, которая в районе деревень Барсуки и Нижние Колодези напоролась на гитлеровских автоматчиков. В завязавшемся бою М.А. Гурьянов был ранен в ногу и попал в лапы фашистов. Спастись удалось лишь одному партизану А. Бацанову (его подобрала советские разведчики). Остальные бойцы группы погибли. Раненого М.А. Гурьянова доставили в Угодский Завод, где подвергли допросам и пыткам. Вначале он не назвал себя. Но один из сельчан, продавшийся немцам, опознал его. Тогда М.А. Гурьянов заявил: «Да, я председатель районного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся». Немцы безуспешно добивались сведений о партизанах и подпольщиках. Они избивали его, жгли ему ноги, пальцы, лицо, выкручивали руки, но не сумели поколебать его стойкости. 27 ноября 1941 г. они устроили публичную казнь комиссара отряда – повесили его на балке, торчавшей из обгоревшего здания райисполкома. Свидетели его казни рассказывают, что М.А. Гурьянов спокойно стоял на месте казни. Когда палач собрался набросить на него веревку, раздался его недрогнувший голос: «Всех не перевешаете! Нас миллионы. Наше дело правое, победа будет за нами. Долой фашизм!».

Так погиб коммунист, председатель Угодско-Заводского райисполкома Михаил Алексеевич Гурьянов. Семь суток висело тело отважного партизанского комиссара, фашисты никого не подпускали к нему. После освобождения района от оккупантов он был похоронен со всеми почестями.

Скоро о подвигах партизан в Угодском Заводе узнала вся страна из вечернего сообщения Совинформбюро от 29 ноября 1941 г. В нем говорилось: «...24 ноября несколько партизанских отрядов под командованием товарищей Ж., К., П., Б., объединившихся для совместных действий против оккупантов, совершили налет на

крупный населенный пункт, в котором расположился штаб одного из воинских соединений немецко-фашистской армии. Ночью, после тщательной разведки, славные советские патриоты обрушились на ничего не подозревавшего врага. Прервав сначала всякую связь немецкого штаба со всеми частями, партизаны затем огнем и гранатами уничтожили несколько больших зданий, в которых расположились воинские учреждения фашистов. Разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные документы.

Отважные бойцы-партизаны перебили около 600 немцев, в том числе много офицеров... уничтожили 80 грузовых машин, 23 легковые машины, 4 танка, обоз с боеприпасами и несколько пулеметных точек. При подготовке этой операции разведкой партизанского отряда был разгромлен карательный отряд врага». Военный Совет Западного фронта дал высокую оценку проведенной операции. Многие ее участники получили правительственные награды. Комиссару М.А. Гурьянову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 г. было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Орденами Ленина были награждены В.В. Жабо и В.А. Карасев, орденами Красного Знамени – В.Н. Бабакин, А.Н. Басов, Д.К. Каверзнев, М.И. Конькова, орденами Красной Звезды – А.Л. Васильев, В.И. Домашев, Ф.Ф. Иванов, Я.К. Исаев, Н.А. Лебедев, М.А. Муфталиев (посмертно), Н.И. Раусов, И.Я. Токарев. Многих участников операции наградили медалями. Начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР П.К. Пономаренко, позднее оценивая угодско-заводскую операцию, писал: «Выдающейся операцией... партизан является нападение... на штаб 12-го армейского корпуса, расположившегося в районном центре Угодский Завод... Внезапность нападения определила его высокую результативность... Штаб 12-го армейского корпуса был настолько потрепан, что не смог даже сообщить о нападении командованию армии. Это сделал штаб 87-й пехотной дивизии».

Отбив наступление противника, 2-й кавалерийский корпус, 112-я танковая дивизия и войска правого фланга 49-й армии оказались не в состоянии прорвать фронт немцев и выйти на их тылы. В результате к 20 ноября они перешли к обороне. По данным разведки, к этому времени перед фронтом 49-й армии на участке от Буринова и примерно до Тарусы действовали части 17-й, 137-й и 260-й пехотных дивизий противника с И хотя 2-й кавалерийский корпус и соединениям 49-й армии не выполнили поставленной задачи – окружение и уничтожение частей немецкого 12-го армейского корпуса, – все же они в тяжелых боях сковали до восьми дивизий противника. На рассвете 18 декабря после часовой артиллерийской подготовки перешла в наступление 43-я армия. В этот день ударная группа 43-й армии вела жестокие бои на рубеже высота 201,9 – Романово (Московская область) – Инино (Жуковский район), а части правого крыла 49-й армии продвигались с боями на Буриново и своей главной группировкой вышли на фронт Остров – Галчатовка – Раденки (Жуковский район) – Льгово (Тарусский район).

Введенная в бой, в течение двух месяцев части 43-й армии предпринимали неоднократные попытки прорвать оборону на р. Наре, но безуспешно. Начавшийся 5 – 6 декабря 1941 г. разгром немцев под Москвой создал лучшие условия и для 43-й армии. Но она нуждалась в подкреплении резервами. В 43-ю армию был послан особый батальон Военного Совета под командованием майора А.И. Эппельгарда. В батальон входили две стрелковые, пулеметная и минометная роты, батарея 76-миллиметровых орудий, взводы истребителей танков, саперный, связи, комендантский и хозяйственного обслуживания общей численностью в 702 человека. Батальон был поставлен на лыжи. По существу, батальон мог быть приравнен ко многим стрелковым бригадам, имеющим значительные потери в боях. Перед батальоном командующий 43-й армией поставил сложную и ответственную задачу – в течение ночи пройти через брешь, проделанную 93-й стрелковой дивизией, в лес восточнее Аристова (Боровский район), атаковать и

захватить деревни Воробьи и Акатово (Жуковский район), прорвать единственную коммуникацию врага от Малоярославца к фронту и уничтожить его батарею севернее Савеловки (Боровский район).

Выполнение этого приказа позволило бы 43-й армии обойти опорные пункты противника на р. Наре, отрезать ему путь к отступлению по шоссе на Малоярославец, задержать вывод резервов на фронт и сорвать оборону противника на р. Истье в районе Акатова и Воробьев.

Задача, поставленная батальону, была не из легких. Предстояло пройти по глубокому снегу и лесом в тыл врага 18 – 20 километров.

В ночь на 25 декабря батальон, имея впереди хорошо организованную разведку, перешел линию фронта и сосредоточился в лесу восточнее Аристова. Перейдя с этого рубежа в наступление, он к 18 овладел Тайдашевым, разминировал проходы к опорным пунктам Воробьи и Акатово и в 21 внезапно ворвался в них, смяв вражеские гарнизоны. Захватив эти опорные пункты и организовав круговую оборону, А.И. Эппельгард нагонял страх на противника, передавая по телефону и радио распоряжения «полкам и батальонам». Важная коммуникация врага попала под контроль батальона, и связь противника с фронтом была прервана. Три дня продолжался бой с противником, который пытался сбить батальон с занимаемых позиций. Оставив до 400 трупов, противник в беспорядке бежал. Сам батальон в этих боях потерял всего 19 человек.

В 10.3 27 декабря батальон, поддержанный двумя танками 25-й танковой бригады, овладел Белоусовом. Однако успех достался дорогой ценой. Потери убитыми и ранеными составили 100 человек.

К исходу 25 декабря части 43-й армии, перейдя к преследованию противника, который спешно отступал, вышли на рубеж Аристово (Боровский район) – Алопово (Жуковский район) – Савеловка (Боровский район) совхоз «Поля орошения» – Бухловка – Тарутино – Дедня (Жуковский район).

Части 194-й и 60-й стрелковых дивизий 49-й армии подошли к Высокиничам. Было освобождено Тарутино. За три дня боев 1316-й стрелковый полк выбил фашистов из Дубровки, Агафьино и других населенных пунктов. Слева от него наступал 1314-й стрелковый полк, который освободил Комарово, Лыково, Михайловку.

26 декабря соединения 43-й армии, преследовавшие противника, вышли к р. Истье. А воины 415-й стрелковой дивизии 49-й армии освободили Куркино, Трояново, Макарово.

Весь день 60-я и 194-я стрелковые дивизии вели бой в километре от Высокиничей, готовясь к их захвату, а также восточнее Колышева и Шопина. В этот же день части 133-й стрелковой дивизии освободили Чаусово и вели бой за Тарсуки. В этот же день, 27 декабря, части 43-й армии заняли Акатово, Грачевку, Большое Леташово, Терники. А части 49-й армии, освободив Высокиничи, силами 1285-го стрелкового полка очистили от врага Грибовку и Черную Грязь. 194-я стрелковая дивизия с 18-й танковой бригадой овладели Оболенским, Тиньковым и Карповом, 133-я стрелковая дивизия вела бой за Стехино, а 5-я гвардейская стрелковая дивизия подошла к Алтухову.

К исходу следующего дня, 28 декабря, 1314-й стрелковый полк, пройдя по бездорожью около 40 км, прорвался на окраину Угодского Завода, а затем полностью очистил районный центр от фашистов. В этот же день советскими войсками были освобождены Ореховка, Трояново, Величково, Стрелковка, Фатеево, Ильинское, Горнево, Лапино, Антоново, Борцево и другие населенные пункты. 29 декабря воины 415-й, 194-й и 138-й стрелковых дивизий выбили немцев из последних населенных пунктов Жуковского района. Так было завершено полное освобождение Жуковского района от немецко-фашистской оккупации.

«Справка об операции по разгрому штаба 12-го немецкого армейского корпуса сводным партизанским отрядом Управления НКВД по г. Москве и Московской области, проведенной 19–24 ноября 1941 г.

В ноябре 1941 г. руководству Управления НКВД МО от партизанского отряда Угодско-Заводского района стало известно о размещении в г. Угодский Завод штаба 12-го немецкого армейского корпуса и около 4 тысяч немецких солдат и офицеров с вооружением и техникой.

Было решено разгромить штаб 12-го немецкого армейского корпуса, истребить сосредоточенные войска и уничтожить технику врага силами сводного партизанского отряда УНКВД МО под общим командованием капитана т. Карасева.

Операция осуществлялась следующим образом:

1. Отряд в целом состоял из 300 человек. Для конкретного руководства по разгрому и уничтожению каждого объекта в отдельности при осуществлении операции отряд был разбит на 8 групп. Каждая группа состояла из 35–40 человек, во главе которых были поставлены опытные, смелые командиры. Отряд был вооружен ручными пулеметами, автоматами, винтовками, РГД, противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью..

2. 19 ноября 1941 г., сосредоточившись в 2 км от хутора Ясная Поляна Угодско-Заводского района, отряд приступил к тщательной разведке. Разведка осуществлялась путем высылки партизанских групп в 3–5 человек в разных направлениях с заданием изучения местности, подступов к городу и подходов к объектам, системы охраны, расположения постов, расположения огневых средств противника, его техники, складов, системы связи и т. д. Кроме этого, несколько партизан, преимущественно женщин, были переодеты в обычную крестьянскую одежду и высланы непосредственно в город для точного установления, в каких домах города размещены отделения штаба, служба охраны и дежурные части, где наибольшее сосредоточение автотранспорта и техники, расположение воинских складов, общежития солдат и офицеров. Разведчики, пробравшиеся в город, выполняли свою задачу путем личного наблюдения и через знакомых им лиц, проживающих в городе.

В результате проведенной разведки с 19.XI по 23.XI командование отряда установило: Штаб 12-го корпуса размещен в зданиях школы, райсовета и сберкасс. Офицерское общежитие размещено в здании РК ВКП(б).

Отделение гестапо — в аптеке.

В здании райотдела НКВД и соседних домах расквартированы солдаты.

В зданиях свиносовхоза размещены авторемонтные мастерские, обслуживающие команды и часть гарнизона.

На территории рынка и свиносовхоза расположен автотранспорт.

Здания, где размещаются штаб и личный состав гарнизона, охраняются часовыми, по городу осуществляется патрульная служба.

В деталях разведана местность, прилегающая к городу, и скрытые пути подхода к объектам, пути отхода и сбора по выполнению операции.

3. Оценив обстановку и приняв решение, отряд 23.XI в 23.00, оставив на пункте сосредоточения лишнее снаряжение, одежду и другие вещи, связывающие действия в бою, выступил на исходное положение — на опушку леса, что в 500 метрах от г. Угодский Завод. На исходном положении командир отряда поставил следующие задачи командирам групп:

1-й группе (командир группы лейтенант госбезопасности Бабакин)...захват и разрушение телефонной станции, радиоузла, почты и разрушение внутренней связи.

2-й группе (командир группы капитан Жабо)... разгромить отделение штаба корпуса, разместившееся в здании школы, захватить документы, истребить офицерский состав.

3-й группе (возглавлял лично капитан Карасев, командир сводного отряда)...разгромить центральное отделение штаба корпуса, размещенное в здании райсовета.

4-й группе (командир группы лейтенант Пигосов) — отделение штаба и обслуживающие команды, размещенные в здании сберкассы и Доме культуры.

5-й группе (командир группы ст. лейтенант госбезопасности Каверзнев) — истребить офицерский состав, размещенный в общежитии здания РК ВКП(б).

6-й группе (командир группы мл. политрук Лившиц) — отделение гестапо, расположенное в здании аптеки.

7-й группе (командир группы мл. лейтенант милиции Шивалин)...взорвать авторемонтные мастерские, истребить личный состав обслуживающих команд, размещенных в зданиях свиновхоза.

При постановке задачи группам командир отряда сообщил:

Сигналы начала действия (длинная очередь вверх из пулемета трассирующими пулями). Сигнал для выхода из боя.

Место сосредоточения отряда после операции.

Выделил прикрытие на случай преследования противника групп при отходе.

Указал место и средства эвакуации раненых.

Для опознания своих был установлен единый опознавательный знак — белая повязка на головном уборе и установлен пароль встречи на случай совместных действий групп.

Для незаметного, скрытого одновременного подхода всех групп отряда к намеченным для атаки объектам были выделены в каждую группу проводники из местных жителей-партизан, которые привели их ближайшим путем в указанные места почти незаметно для охраны и патрулей.

С получением задачи и объекта атаки командир групп довели ее до каждого бойца, указали особенности и важность выполнения задания, указав на то, что внезапность налета дает им, несмотря на отсутствие превосходства в численности в отношении к противнику, возможность одержать полный успех, напомнили о необходимости смелых и решительных действий и доведения до конца задачи, поставленной перед группами отряда, и по установленному сигналу двинулись к намеченным объектам.

4. Тщательно проведенная разведка размещения отделений штаба, общежития офицерского состава и солдат, расположения складов, ремонтных мастерских, гаражей, изучение системы охраны города, а также учет при составлении плана операции фактора времени для подхода с пункта сосредоточения до объектов атаки и внезапность налета позволили группам отряда почти незаметно для противника просочиться в город и по общему сигналу начать штурм объектов в 2.00.

24.XI. 1941 г.

Штурм всех намеченных объектов начался одновременно. Вслед за снятием часовых в окна помещений штаба, офицерских и солдатских общежитий, здания гестапо, почты и телеграфа полетели противотанковые и ручные гранаты, застрочили пулеметы и автоматы, а затем партизаны врывались в помещения и довершали разгром штыками и ручным оружием.

Одновременно запылали склады с горючим и продовольствием, начали рваться склады боеприпасов, загорелись танки, автомашины, конюшни.

Выскакивающие из зданий солдаты и офицеры истреблялись партизанами из автоматов, винтовок, а начавшие действовать пулеметные точки уничтожались противотанковыми и ручными гранатами.

Внезапность налета ошеломила немцев. Народные мстители Угодско-Заводского партизанского отряда в этой операции еще раз на поганой шкуре немцев подтвердили смелость и отвагу, героизм, бесстрашие и готовность советских патриотов бить своих врагов до полного их уничтожения. В эту ночь они еще раз воскресили суворовскую истину о том, что бьют врага «не числом, а умением».

Несмотря на сравнительную непродолжительность операции в городе, длившуюся 1 час 10 минут, и на то, что немцев было в городе до 4 тысяч, а партизан лишь до 300 человек, немцы не сумели оказать сильного сопротивления. Это видно по тому, что партизаны за 1 час 10 минут боя истребили до 600 гитлеровцев, потеряв со своей стороны 18 человек убитыми и 8 ранеными.

Всего в результате проведенной операции партизаны сводного отряда истребили до 600 немецких солдат и офицеров, сожгли 2 больших склада с горючим, взорвали склады боеприпасов и продовольствия, сожгли до 100 автомашин, подорвали 4 танка и 1 бронемашину, уничтожили несколько пулеметных гнезд, сожгли конюшни, захватили в разгромленном штабе 12-го армейского корпуса важные оперативные документы: тактические карты, полевую почту и порвали связь.

5. Убедившись, что группы выполнили в основном стоящие перед ними задачи, командир отряда дал сигнал к отходу. Выход из боя происходил под прикрытием специально выделенных групп и тех групп отряда, которые находились ближе к опушке леса — месту укрытия партизан от поражения огнем. После прибытия последней из групп в условленное место отряд немедленно начал отход в тыл, к базе, чтобы не дать времени немцам опомниться и организовать преследование.

Выход отряда на свою базу прошел организованно, без потерь.

Выводы:

1. Успеху операции способствовало то обстоятельство, что она была организована на точных разведывательных данных, которые ежедневно подтверждались и уточнялись.

2. Факторы скрытой подготовки и сосредоточения, учета времени и особенности начала нападения в сочетании со смелыми и решительными действиями привели партизан к такому крупному успеху в данной операции при небольшой потере личного состава со стороны нападающих». [241]

«15 ноября 1941 года в 8-00 часов утра, на основании указания начальника Коломенского РО УНКВД МО ст лейтенанта госбезопасности Коробкова, группа в составе 17 человек была направлена в распоряжение начальника Серпуховского РО УНКВД МО тов. Иосифова, куда прибыла 16.11-41г. в 12-00 час», - докладывал позже командир спецгруппы младший лейтенант милиции Николай Шивалин. В его группе было 17 человек: 8 милиционеров

из боевой истребительной группы Коломенского РО НКВД и 9 бойцов Коломенского истребительного батальона №52.

К этому времени отряд Каверзнева и Бабакина искали место перехода линии фронта и пытались установить связь с партизанским отрядом лейтенанта Карасева. Судя по всему, сплошной линии фронта там не было, но и расположение частей противника, его постов или засад не было точно известно.

«15 ноября вышли в направлении деревень Бутырки-Скребухово-Терехунь для перехода линии фронта. Переночевали в деревне Терехунь. Утром 16-го ноября отряды выслали разведку из 6 партизан под в направлении разъезда Буриново намеченному для перехода линии фронта. Разведка установила, что переход линии фронта в районе деревни Буриново разъезд Буриново невозможен из-за активизации действующих сил противника. Дополнив данные, полученные нашей разведкой ... решено перейти фронт в районе деревень **Буриново – Рыжково**».

«17.11 в 10-00 отряды, выслав вперед разведку, выступили к сторожке лесника, расположенной в 2-х километрах от деревни Терехунь, которую по данным командования разведбатальона, немецкие разъезды используют в качестве отдыха и наблюдения за передовой линией фронта, для ее уничтожения. Подойдя к сторожке, разведка обнаружила 4х немецких кавалеристов, уезжавших от сторожки. Выделенная двумя группами под руководством Каверзнева и Бабакина, сторожка и прилегающие к ней строения были сожжены».

Далее отряд планировал двигаться «по азимуту 240 в направлении деревни Малое Леташево для соединения с отрядом Карасева», но обходя участок выгоревшего леса они подошли к деревне **Рыжково** и обнаружили, что та занята немцами, а рядом строятся блиндажи и натягиваются проволочные заграждения. Отряду снова пришлось отойти в лес «массив от деревни **Рыжково** на 800-1000 метров расположились лагерем для ночевки и ведения разведки». Утром разослали разведку буквально во все стороны. Все они натыкались на немцев и только группа, отправленная буквально к себе в тыл, «вышедшая по азимуту 60, попала в расположение передовых частей Красной Армии, занимающих обороны в районе деревень Ченцово и Муковнино, где установила, что в деревне Муковнино находится партизанский отряд под командованием Карасева».

ПАРОЛЬ – РОДИНА.

Самойлов Л.С. , Слободкин Б.П.

ГОСТЬ ИЗ МОСКВЫ

Люди по-прежнему рвались в бой, жаждали «настоящего дела», а пока были только будни: скученность в землянках, частая смена караулов, постоянная забота о пище и долгие, нескончаемые разговоры о положении на фронте, о семьях, о сырости и холоде, которые стали ощущаться сильнее и сильнее. И ожидание. Что будет завтра, послезавтра?.. Какую борьбу с гитлеровцами сможет вести небольшой партизанский отряд, расположившийся под самым носом у немцев в их ближайшем тылу, неподалеку от переднего края?

Неизвестность и тревога томили партизан, и это, несомненно, накладывало отпечаток на их настроения и поступки.

На первых порах партизанские будни оказались не под силу некоторым пожилым, не привыкшим к походной жизни людям. Одни почти лишились сна, так как привыкли к домашним постелям и не могли спать вповалку на земляном полу или топчанах; другие страдали от ломоты и ревматизма; третьи маялись животом... Врач Вульф Гусинский прилагал немало сил, чтобы поддерживать здоровье каждого человека.

Наиболее молодые и горячие, представлявшие себе лесную жизнь в излишне романтизированном виде, откровенно считали, что «нечего без толку тратить время». Им казалось, что ничего не стоит ударить по немцам, разгромить их передовые части или хотя бы наделать шума и паники — знай, мол, наших.

Может быть, это даст возможность частям генерала Селезнева перейти в наступление. Небось батальон капитана Накоидзе, через которого поддерживалась связь со штабом 17-й дивизии, тоже засиделся. Эх, будни, будни!..

Конечно, будни эти были тревожными, опасными. Вокруг находились фашистские войска, каждую минуту можно было ожидать появления карателей; связь с подпольщиками в селах района и с подразделениями Красной Армии налаживалась с трудом, новости из Москвы доходили случайно и редко... Все это угнетающе действовало на отряд, и Гурьянов и Курбатов уже несколько раз говорили с Карасевым, чтобы о каждом, даже маленьком деле подробнее информировать бойцов и тем самым убеждать их, что «подготовительный период» не пустая трата времени.

С первых дней оккупации в села района стали посылаться разведчики. Шли они в одиночку или парами, иногда с оружием, спрятым под пальто или ватниками, а иной раз безоружные, с палками в руках, под видом местных жителей, разыскивающих своих родственников, заблудившуюся скотину или желающих выменять варежки или носки на кусок хлеба и горсть пшена. Чаще других в разведку отправлялись Яков Исаев, Александр Александров («Дважды Саша» — шутливо называли его партизаны), Федор Герасимович, а иногда и заместитель командира отряда Василий Кирюхин. Они же выводили из лесов и переправляли в расположение 17-й стрелковой дивизии бойцов и командиров Красной Армии, вырвавшихся из немецко-фашистского окружения. «Окруженные» не только горячо, зачастую со слезами на глазах благодарили партизан за помощь, но и сообщали ценные сведения о дислокации и движении вражеских частей. Эти выходы в села, а также засады возле лесных дорог и Варшавского шоссе не только приносили в отряд свежий ветер, но и были продолжением той боевой работы, начало которой положила разведка в Угодский Завод.

Командование отряда все чаще узнавало, какие немецкие части накапливаются в лесах, населенных пунктах или движутся по дорогам, в каких селах имеются постоянные гарнизоны, где уже назначены старосты, как относится население к оккупантам. Все эти сведения немедленно отправлялись в Московский штаб партизанского движения, в окружном партии в Серпухов и командиру 17-й стрелковой дивизии Селезневу. Связь с Серпуховом осуществляли специально выделенные для этого партизаны Толмачев, Карпиков и Соломатин, а до передового батальона дивизии, которым командовал капитан

Накоидзе, чаще всего добирался, скрытно переходя линию фронта, партизан Павел Михайлович Артемьев.

Два этих коммуниста — плотный, широкоплечий, малоразговорчивый, но добродушный Михаил Иванович Соломатин, бывший начальник Угодского уголовного розыска, и низкорослый, будто вросший в землю, крепыш Павел Михайлович Артемьев, в мирной жизни механик райлесхоза, так же как и Исаев, стали главными связными командования партизанского отряда и подпольного райкома. Свою трудную и опасную работу они выполняли, казалось, как обыкновенное, вполне привычное дело. Но все знали, что пройти через гущину леса и малозаметными тропами подобраться к переднему краю, где зарылись в землю немецкие наблюдатели, пулеметчики и артиллеристы, лежать в темноте часами, выжидая удобный момент, чтобы добраться до своих войск, — это требовало риска, выдержки и самообладания.

С нетерпением ожидая как-то возвращения связных, Курбатов не удержался и поделился с Гурьяновым своими мыслями:

— Знаешь, друг, как отправляем их — душа болит.

— А ты не расстраивайся, — успокоил его Гурьянов, который и сам не меньше друга волновался за судьбу связных. — Ребята надежные.

— Ребята! — задумчиво повторил Курбатов. — Отцы семейств... Знаешь, что меня удивляет и трогает? Соломатин и Артемьев, Александров и Герасимович и, конечно, Исаев сами, наверное, не понимают, что они герои!

— Ну уж, и герои.

— А как их назвать иначе? В горячке боя застрелить несколько фашистов, захватить, предположим, пулемет — это героизм, спору нет. Но разве идти в одиночку, прячась и скрываясь, да еще зная, что тебя в любой момент могут схватить и расстрелять или повесить, — разве это легче, а не потруднее?

— Дорогой мой философ. — Гурьянов дружески обнял Курбатова и слегка прижал его к своей могучей груди. — Ты прав, конечно. Но раз надо — люди идут. На то они коммунисты, советские люди, партизаны. Ну, а сам ты? Тоже ведь герой — ходишь на связь, рискуешь попасть на первую же осину.

— Не обо мне речь, — сконфузился Курбатов. — Тоже придумал. Риск, конечно, есть... Не без того...

Да, Курбатов не только посылал связных и разведчиков, но и сам ходил на явки, чтобы лично узнать важные новости и дружеским словом и советом подбодрить подпольщиков. Застегнув на все пуговицы черное зимнее пальто, натянув по самые уши кепку и сняв очки (он приучался ходить без очков, так как без них лицо его сразу преображалось), он шел много километров по грязи и мокрому снегу то в одно, то в другое село, украдкой пробирался в нужную избу — «точку» — и там впитывал все, что могло пригодиться в работе. На случай непредвиденных обстоятельств — встречи с немцами, неожиданной облавы полицаев — Курбатов носил с собой фальшивый, но добротный сделанный паспорт на имя рабочего Алексея Михайловича Сергеева. На паспорте была по всем правилам приклеена фотокарточка «Сергеева», конечно, без очков, четко выделялись на положенных местах печати.

Только вчера «Сергеев», прошагав несколько километров на север от лагеря партизан, добрался до деревни **Чапдино**. Идти было трудно: дул не ветер, а ветрище, он яростно рвал полы пальто, холодил спину, руки, лицо, забивал дыхание. Подслеповато шурясь (жаль, очков нет), Александр Михайлович упрямо вышагивал метр за метром, стараясь отбросить от себя заботы и тревоги. Но мысль не папиросный окурок, не клочок бумажки, не пустая гильза: отшвырнул, и баста. Нет, голова была забита мыслями, и каждая казалась самой важной, самой главной и в первую очередь — вправе ли он, подпольный секретарь, идти к оставленным партизанским связным. Но кто пойдет, кто, если не он? Голова горела, гудела. Только у крайнего дома деревни Курбатов почувствовал, что по-настоящему промерз.

Зато каким теплом повеяло на него при встрече с Крутилевой и Тересиной, как обрадовались они! Обе женщины словно забыли, что жили теперь как в осажденной крепости и пугались каждого выстрела, каждого крика. Они наперебой угощали Александра Михайловича чаем и горячей пшенной кашей, а сами, поминутно поглядывая в окна, рассказывали, рассказывали...

— Мы тоже не лыком шиты, — медленно, взвешивая каждое слово, говорила Евдокия Тересина. В ее печальных глазах Курбатов видел волю и упорство русской женщины, готовой на любые жертвы ради общего дела. — Да, и мы не лыком шиты, — повторила она. — Применяем, так сказать, военную хитрость. Зачем самим глаза немцам мозолить? Вот мы и пускаемся на всякие уловки. Товарищ Крутилева (Тересина с нескрываемой гордостью подчеркнула это слово — товарищ!) несколько раз посылала свою дочку Люсю: погуляй, мол, вдоль бережка Нары, да погляди, нет ли там чего интересного. А то и до Тарутина дойди, не так уж далеко, всего десять километров. Люся хоть и мала еще, совсем девочка, но быстро сообразила, для чего нужны прогулки.

— Рано, очень рано теперь наши дети становятся взрослыми, — вздохнула Крутилева.

— Не вздыхай, не сокрушайся, Евгения Федоровна, — остановила ее Тересина. — Пусть взрослеют. Выживут — великую школу пройдут... Да, так насчет прогулок. Я свою мамашу тоже посылаю дышать свежим воздухом. Старушка — кто на нее обратит внимание! И вот вам, Александр Михайлович, результаты наших общих прогулок. Запоминайте: в здании Тарутинской школы стоит большой штаб какой-то немецкой части. Там много офицеров и генералов ихних. Поточнее, уж извините, не знаем. В самом Тарутине и танки, и орудия, и даже небольшие машины вроде танков. Люся уверяет, что это броневики или танкетки, ей-богу, я в этом не разбираюсь. Здесь, на бумаге, мы все вам обозначили: где что стоит и сколько.

— Насчет бумажек вы поосторожнее, — предупредил Курбатов.

— Знаем, знаем, — кивнула головой Крутилева. — У нас печка всегда топится, чуть что — в огонь... Но это еще не все. Мы поджидаем Нину, она тоже не с пустыми руками придет.

Курбатову очень хотелось повидаться с Ниной Васильевной Агеевой — она возглавляла группу подпольщиков в Рыжковском сельсовете. Какие вести принесет она — радостные или печальные? И не случилось ли что с ней самой?

Минут через двадцать появилась Агеева. В дом она вошла так, будто жила рядом, по соседству: пальто нараспашку, платок небрежно накинут на голову. Но, видимо, устала и продрогла она и от длинного пути, и от непрерывного нервного напряжения.

— Ну вот и я, — просто сказала она, сбрасывая пальто. Затем расцеловалась с Тересиной и Крутилевой, а Курбатову крепко пожала руку. — Значит, у вас сразу два гостя — я и Михайлыч. Ох, и похудели же вы, товарищ секретарь.

— Толстеть буду после войны, — отшутился Курбатов. — Худого легче ноги носят.

— Да, ноги теперь у нас основной вид транспорта. — Агеева зябко и нетерпеливо передернула плечами. — Далеко не ускачешь.

— А тебя, видать, ветром осенним здорово продуло, — забеспокоилась Крутилева.

— Не без того, — ответила Агеева, растирая покрасневшие руки. — Ничего, сейчас, отогреюсь чайком.. Угостите?

— А как же! Пока еще хоть воду новые господа не отобрали. Пей, Нина, озноб сразу пройдет.

— Спасибо. — Агеева налила горячий чай в блюдечко и с удовольствием отхлебнула. — Так быстрее согреюсь, — пояснила она. — Жаль, долго чаевничать не могу. Вам, Александр Михайлыч, я принесла новости.

— Не откажусь от них. Прошу!

— В деревне Маринки засел штаб фашистского полка. А примерно в восьмиста метрах южнее деревни стоят орудия. Подсчитать не удалось, но много. Судя по всему, артиллеристы постоят еще несколько дней, уж больно капитально расположились. Ну как вести, добрые?

Курбатов невесело усмехнулся.

— Будем условно считать их добрыми, вернее — полезными. В том смысле, что неплохо было бы непрошенных гостей потревожить.

— Вот именно, — оживилась Агеева, но сразу же помрачнела. — Одно грызет меня: начнут наши бомбить или обстреливать фашистов, — пусть от них во все стороны клочья летят! — но ведь бомба или снаряд глаз не имеют. А в селах — наши люди, женщины, детишки. Как уберечь их?

— Да, Нина Васильевна, — ответил Курбатов. — Хотелось бы наших людей уберечь от всяких бед и напастей. Но это не в наших силах. Ваши сведения мы постараемся уточнить и передадим куда следует. Могу заверить только в одном: наши летчики и артиллеристы стараются бить по немцам поточнее, так, чтобы своих не зацепить. Но на войне всякое бывает, что поделаешь. Советуйте людям во время обстрела или бомбежки прятаться в погреба, в ямы.

— Горе тлеет, беда пылает, — задумчиво проговорила Терешина и, чтобы скрыть волнение, встала и отошла к окну. — Как подумаешь, как поглядишь — сердце кровью обливается. Раньше я и не представляла себе значения этих слов, думала, что литературное сравнение — и только. А теперь иной раз физически ощущаю, как здесь становится горячо-горячо, — она прижала руку к груди, — и горит, и пылает...

Крутилева подошла к подруге, обняла ее за плечи и мягко заметила:

— Меня только что укоряла: не вздыхай, не печалься. А сама?.. Не береги душу, Дуся, ни к чему это.

— И то правда! — воскликнула Агеева. — Собрались три бабы и на одного мужика тоску нагоняют. Вы, Михайлыч, не обижайтесь, что я вас мужиком обозвала. Мужчина!

— Не обижаюсь... — рассмеялся Курбатов. — И вас всех хорошо понимаю...

Из Чаплина Александр Михайлович уходил с чувством большой благодарности к этим простым, скромным женщинам, не жалевшим себя и, как выразилась Терешина, ежедневно ходившим на острие ножа.

...Вскоре два события взбудоражили весь отряд. И если первое событие вызвало разноречивые толки, породило споры и совершенно противоположные настроения (у одних — подъем, у других — уныние и растерянность), то второе стало источником бодрости и всеобщей радости.

Командование отряда решило направить поближе к Угодскому Заводу группу партизан с заданием перестрелять собиравшихся на окраине села, у походных кухонь фашистских солдат, во всяком случае «наделать шума» и, если удастся, вывести из строя походную немецкую радиостанцию. Наглухо закрытый серый автобус с радиостанцией стоял на краю села и был замаскирован сеном и ветвями деревьев.

Однако в нескольких километрах от базы, при выходе из лесу на большак партизаны неожиданно натолкнулись на крупный отряд фашистских мотоциклистов, которые открыли беспорядочную стрельбу из автоматов и пулеметов. Не подготовленные к такой встрече, партизаны не приняли боя, а, сделав несколько ответных выстрелов, поспешно отошли в глубь леса куда мотоциклисты, конечно, сунуться не решились. Удалось ли подстрелить кого-либо из гитлеровцев, никто сказать не мог, зато у партизан был легко ранен в ногу Соломатин. Он оказался первым пострадавшим от вражеской пули. Гусинский, ловко орудуя инструментами и бинтами, быстро оказал ему помощь.

Из этой первой и притом неудачной вылазки необходимо было извлечь полезные уроки. Командование отряда собрало бойцов и начистоту выложило все промахи и недостатки. Разведка слишком поздно заметила противника и тем самым подвела шедших позади товарищей. Бойцы недостаточно маскировались, некоторые переговаривались, кашляли... Отход был чересчур поспешным и неорганизованным. Прикрывать отход Карасев приказал двум автоматчикам — Устюжанинову и Новикову. Но только Устюжанинов держал немцев под огнем. У Новикова отказал автомат...

Что и говорить, хвалиться было нечем. Зато каждый понял, что на одном энтузиазме далеко не ускочишь: надо учиться воевать.

Поздним вечером, когда землянки были забиты до отказа, разговоры шли только об этом случае.

— Ну вот, — бубнил боец Павлов, молодой нетерпеливый парень, бывший милиционер. — Куда ни сунься — везде немцы. Куда попрешься и что сделаешь? Другое дело в армии: там все на виду, командиры обстановку знают, а уж если бой — так бой.

— А ты думал, что на каждом шагу будешь фашистов колошматить? — откликнулся Артемьев. — Ничего, первый раз ребята немного сдрейфили, во второй раз не растеряются.

— Правильно! Хоть пороху нюхнули, — поддержал Домашев, один из тех, кто рвался в бой. — Чего паниковать?

— Плохо только, что столкнулись недалеко от базы, — подумал вслух Соломатин. — В стороне — не страшно. А базу завалить нельзя.

Второе происшествие единодушно было расценено как победа всего отряда.

При встречах со связными командир стрелковой дивизии Селезнев несколько раз повторял:

— Нет ничего важнее разведки. Мы иногда, как слепые котята, топчемся, нам нужна, товарищи, ваша помощь. Работать на армию — ваш первейший долг. Давайте побольше всяких сведений, а если удастся, хватайте любого «языка».

Всем разведчикам поручили выявлять огневые точки и скопления вражеских войск и транспорта. Такие скопления были обнаружены в районе населенных пунктов Тарутино, Буриново, Комарово и других. Сведения о фашистских артиллеристах в Маринке, полученные Курбатовым от подпольщиц в Чаплине, Карасев поручил уточнить «дважды Саше» — бесстрашному чекисту и разведчику Александрову, умевшему, как и Герасимович, пробираться незамеченным в самые опасные места. Это задание он выполнил быстро и точно.

Все разведывательные данные были немедленно переправлены в штаб генерала Селезнева.

На следующий день партизаны внимательно прислушивались к артиллерийскому гулу и пытались даже подсчитывать количество пролетевших через Нару снарядов и последующих разрывов. Советские артиллеристы, точно рассчитав координаты и быстро пристрелявшись, разгромили и рассеяли и фашистский штаб, и батареи, прятавшиеся в лесу и готовившиеся к наступлению на Москву. На скопления гитлеровских войск и техники в других населенных пунктах и лесах налетели советские ночные бомбардировщики и тоже «дали прикурить».

От Селезнева пришла весточка — благодарность за хорошую разведку. Это стало почти праздником. Хотя главными «виновниками» добытых сведений были разведчики и подпольщики в «точках», каждый партизан считал и себя причастным к общему успеху.

— Вот это да! — восторгался боец Иван Челышев. — Дали фашистам жару! — Но тут же делал совершенно неожиданный вывод: — Это, брат, армия... Нет, надо в армию подаваться...

Такие настроения все больше беспокоили Курбатова, Карасева, Гурьянова, Соломатина — всех, кто составлял костяк отряда. А тут еще случай с **Челышевым**. Настоящее ЧП.

Видимо, мысль об уходе из партизанского отряда в Красную Армию крепко засела в голове Челышева, и его реплики были неслучайны.

Однажды Ивана Челышева послали на дальний пост, находившийся на значительном расстоянии от базы. В назначенный час сменщик пришел на это же место, но Челышева не нашел. Напрасно боец исходил вокруг десятки метров, пытаясь обнаружить Челышева. Тот исчез и больше в отряде не появлялся.

— Неужели он трусил и дезертировал? — мучительно думал Курбатов. — Не верится. Челышев — горячий, неуравновешенный, но преданный боец, все время рвался в дело. Не похоже на то, чтобы он предал отряд.

— А может быть, его немцы захватили? — высказал предположение Исаев. — Всяко могло случиться.

— Это было бы самое худшее, — мрачно проговорил Гурьянов.

— Почему?

— Пытать будут... Не всякий выдержит...

Однако через несколько дней от разведчиков, державших связь с батальоном капитана **Накоидзе**, стало известно, что Челышев, перейдя линию фронта, упрямил советских командиров взять его в Красную Армию и теперь уже сражается в одной из частей (Позже Иван Егорович Челышев погиб в одном из боев с гитлеровцами).

Как же в таком случае расценить его поступок — самовольный уход из отряда? Дезертир он или нет? Ведь дезертируют с фронта, а не на фронт.

Челышева никто не решался назвать впрямую дезертиром. Однако и оправдывать его поступок — значило поставить под удар партизанскую присягу, дисциплину и само существование отряда.

Пришлось Курбатову, Гурьянову и другим коммунистам поговорить с бойцами по душам, разъяснить им еще раз, что партизаны тоже находятся на фронте и всякий поступок, похожий на поступок Челышева, всякое нарушение дисциплины будут расцениваться как тяжкое преступление.

— И все-таки Челышев — дезертир! — категорически заявил Иван Токарев. Этот неутомимый разведчик и храбрый боец позволял себе иногда поворчать насчет «нехватки жратвы» или «проклятушего холода», но к дисциплине относился как к святой святых и не мог простить Челышеву его проступка.

— Конечно, желание служить в армии само по себе похвально, — говорил Гурьянов окружившим его партизанам. В отряде он пользовался непререкаемым авторитетом и его мнение имело решающее значение. — Но если каждый так свой патриотизм будет проявлять, как же мы выполним волю партии и Советской власти о партизанской войне? Нет, как говорится, всякому свое место.

— Я тоже хотел быть в армии, — признался Карасев, когда руководители отряда собрались в командирской землянке. — Переживал, когда послали сюда. Но раз надо... Надеюсь, что и нам еще придется повоевать... в открытую.

Курбатов прислушивался к разговору друзей и думал о том, что на нем, как на секретаре подпольного райкома, лежит особая ответственность за морально-политическое состояние, дисциплину и боеспособность партизанского в отряда. И еще больше тревожили его слухи, неведь откуда проникавшие в среду бойцов, о том, что немцы, мол, не так уж в селах зверствуют: колхозы не разгоняют, семьи партизан, пленных бойцов и командиров не трогают и даже милуют рядовых коммунистов. Явная ложь, к сожалению, прилипала к наименее устойчивым партизанам, и это обязывало комиссара отряда, секретаря райкома и всех коммунистов противопоставить ей, этой лжи и провокации, настоящую и страшную правду о фашистской оккупации. Курбатов и Гурьянов часто подсаживались к бойцам, беседовали о целях гитлеровской Германии в этой войне, рассказывали об известных им фактах зверств и издевательств фашистов над советскими людьми. Но не хватало местных фактов, которые были бы лучше и сильнее любой агитации.

Однако такие факты вскоре стали известны всем.

Двух партизан, Хомякова и Минаева, направили в родную деревню Овчино, где проживали их семьи, с заданием выяснить численность немецкого гарнизона. В положенный срок ни один из разведчиков на базу не явился. В Овчино были посланы другие разведчики, и вскоре они принесли страшную весть. Хомяков, оказывается, не посчитавшись с наказом командира, открыто, на виду у всех, сразу пошел в свою избу и остался там ночевать. Под утро в избу вломились немцы. Хомякова схватили и тут же, в селе, расстреляли. Минаев, который тоже хоронился в избе своих родственников, узнав о гибели Хомякова, пытался бежать в соседнюю деревню, но был кем-то выдан, схвачен и расстрелян.

Несколько фактов о зверствах фашистов сообщила в отряд и Татьяна Бандулевич через связного Герасимовича.

Гурьянов и Курбатов на сей раз собрали весь состав отряда и, переживая, волнуясь, подробно рассказали о гибели двух партизан от рук фашистских палачей. И как ни трагична была судьба Хомякова и Минаева, комиссар не мог не напомнить бойцам, что оба разведчика нарушили дисциплину, не соблюдали мер предосторожности и слишком долго задержались в своих домах.

— Вот вам ответ на слухи о том, что немцы никого не трогают, — говорил Гурьянов. — Нет, враг есть враг, пришел он на нашу землю, чтобы грабить и убивать нас. И если вы хотите, чтобы поскорее кончилась черная ночь фашистской оккупации, крепко держите в руках оружие, самоотверженно и мужественно выполняйте любое порученное вам задание. С фашистами сражается не только Красная Армия, с ними дерутся партизаны, борется весь народ. Надо верить в свои силы, верить в партию, слушать ее голос — и победа придет. Мы ее собственными руками завоюем.

Гурьянова слушали молча, но взгляды партизан и выражения их лиц говорили комиссару о том, что его слова не пропадают зря.

Такие беседы и собрания в отряде проводились неоднократно, и каждая из них оставляла в сердцах партизан глубокий след. А газеты и листовки, которые Артемьев и Исаев доставляли в отряд (они регулярно получали их в батальоне капитана Накоидзе и переправлялись с этой «почтой» через линию фронта), прежде чем попасть в руки связных для отправки в села района, с жадностью прочитывались бойцами и незримой нитью связывали их с армией, с Москвой, со всей страной, которая напрягала силы в борьбе с врагом.

«Смерть немецким оккупантам!» — этот лозунг очень быстро вошел в сознание, плоть и кровь партизан, и стремление превратить лозунг в действительность росло буквально не по дням, а по часам.

В один из обычных будничных дней Артемьев привел в отряд пожилого человека в черном пальто и поношенной шапке-ушанке. На его усталом лице молодо блестели темные, немного запавшие глаза, а голос, тихий, глуховатый, исходил, казалось, издалека.

— Флегонтов... Алексей Канидиевич... Отец был Канидом — имя редкое и на слух непривычное, а меня по настоянию матери наделили простым именем — Алексей.

Все это гость говорил медленно, негромко, с шутливой грубоватостью бывалого и уверенного в себе человека.

— Принимайте, коли не сомневаетесь. Я к вам от Яковлева, сиречь от Московского комитета партии... Вот мои мандаты... Читайте, а я покуда покурю...

Гость оказался уполномоченным МК партии, присланным для специального инструктажа партизан. Он привез с собой и письменную директиву за подписью секретаря МК о необходимости активизировать политическую работу среди населения и начать боевые действия — диверсии, поджоги фашистских складов, минирование дорог, налеты на мелкие гарнизоны и штабы гитлеровских войск. Сам Флегонтов имел за плечами давний опыт партизанской борьбы еще в годы гражданской войны и интервенции и теперь наставлял молодых партизан, как старый учитель наставляет своих учеников или молодых, впервые пришедших в школу педагогов.

— Устроились вы, прямо скажем, не в очень удобном месте, — говорил он. — Прикиньте сами: до немецкого переднего края всего каких-нибудь несколько километров. На вас наткнуться легко, а вам развернуться трудно. Но горе не беда. И в этом есть свои преимущества: и наши части близко, и к немчуре далеко ходить не надо. Главное — не обнаружить себя.

— Вот и сидим, как кроты, зарывшись в землю, — хмуро Проговорил Гурьянов.

— Э-э, нет, так не пойдет... Тихо сидеть и землю удобрять — какая же это партизанская борьба? Искусство заключается в том, чтобы и дело делать, и себя не выдать. Что же для этого нужно?

— Правило первое. Каждую операцию, будь то взрыв, или, скажем, налет, или захват «языка», надо тщательно готовить. Иметь четкий детальный план со всеми возможными вариантами. И только после того, как план стал ясен, как на ладони, действовать.

Правило второе, — продолжал он после небольшой паузы. — Никакой стрельбы, никаких встреч и стычек с фашистами вблизи базы, самый минимум — 8—10 километров отсюда. Иначе сами к себе непрошенных гостей накличете.

Правило третье. С народом связи не теряйте, за народ держитесь, но зорко приглядывайтесь, кто чем дышит. Не дай бог, на одного предателя или труса нарветесь, тогда хлопот не оберетесь.

— Тогда уж не хлопоты, а кровь, — сказал Карасев и поглядел на Курбатова и Гурьянова. Комиссар кивнул головой в знак понимания и согласия.

Видимо, в Московском комитете партии хорошо знали Гурьянова и Курбатова, надеялись на их политическую зрелость и активность, на организаторские способности, поэтому Флегонтов, излагая установки и требования МК, часто обращался к комиссару и секретарю райкома, словно желая еще раз убедиться, что они все поняли и будут действовать правильно, целеустремленно. По репликам и замечаниям обоих представитель Москвы убедился, что здесь все в порядке и на руководство партизанского отряда можно положиться.

— Вот командир печалится, будет ли нам какая-либо подмога, — кивнул в сторону Карасева Гурьянов.

— Да, нам бы еще людей и оружия, — откликнулся Карасев.

Беседа с Флегонтовым затянулась по поздней ночи. А утром Артемьев деловито натянул ватник и, спрятав за пазуху пистолет, повел гостя обратным путем через линию фронта в батальон капитана Накоидзе.

Партийная директива и инструктаж Флегонтова подхлестнули командование отряда. Карасев с Лебедевым засели за разработку плана вылазок в тылы фашистских войск, а Курбатов с Гурьяновым стали чаще ходить на явки с «цепочкой». Сведения, которые они приносили, радовали всех. Население относилось к оккупантам со скрытой ненавистью, с нетерпением ждало возвращения Советской власти, а пока, чем могло, оказывало поддержку армейским разведчикам и партизанам. Во многих селах колхозники выпекали хлеб для партизан, передавали им припрятанный, загнанный в глубь леса скот, охотно сообщали все, что интересовало «своих». Все чаще то там, то тут загорались немецкие автомашины, бочки с бензином, вспыхивали склады с военным имуществом... Это действовали не только специальные группы диверсантов, но и одиночки, не желавшие сидеть сложа руки. Особенно отличился Василий Иванович Шахов, тот самый старик с «вредным нравом», который в свое время предложил Курбатову «подмогнуть».

Несколько раз пытались Курбатов и Гурьянов пробраться в Белоусово, чтобы встретиться с Губановой и Шаховым, но каждый раз наталкивались на немецкие патрули и вынуждены были возвращаться. А старик, видимо не дождавшись «начальства», решил пока действовать самостоятельно, как подсказывала ему его совесть советского патриота.

Через Белоусово, лежавшее на Варшавском шоссе, проходило и останавливалось на ночевку много немецких автомашин и мотоциклов. Никто не обращал внимания на плохо одетого старика в поношенных, ставших рыжими сапогах. Сощурившись, разинув рот, он с любопытством разглядывал заграничные машины и вежливо снимал шапку перед каждым солдатом и офицером. Старик топтался возле машин, иногда выпрашивал сигареты и всегда изображал на лице уважение и подобострастие.

А наутро неизвестно почему некоторые грузовики, штабные автобусы, мотоциклы не могли сдвинуться с места, так как у них оказывались проколотыми покрышки и камеры, погнутыми или сломанными какие-нибудь детали.

Все объяснялось очень просто. Василий Иванович Шахов носил в кармане залатанных штанов старое сапожное шило и кусок «железки». При удобном случае, когда немецкие солдаты на короткое время отходили от машин, он вытаскивал и пускал в ход свои

немудрящие диверсионные «инструменты» и нередко заставлял шоферов, чертыхаясь на чем свет стоят, заниматься ремонтом.

Старик рисковал ежечасно, ежеминутно. Он знал, что если его схватят с шилом в руке, — висеть ему на осине. Но старый солдат не хотел «прохлаждаться» и старался, чем мог, досадить оккупантам.

При отходе частей Красной Армии в селе, неподалеку от дома Шахова, остались два полевых телефона. Старик уволок эти телефоны и надежно припрятал их. Кто-то из жителей, из трусости или из угодничества, сообщил об этом немцам. Шахова вызывали в канцелярию гитлеровской воинской части и приказали сдать телефоны.

— Что вы, господин офицер, я их сроду не видел, — отпирался Шахов.

— Врешь, мерзавец!

— Не вру я... На что мне те телефоны?.. Пропади они пропадом... Со старухой своей я и без телефонов разговариваю... Зазря виноватите...

Шахов клялся, бормотал какие-то слова в свое оправдание, а сам тем временем зорко приглядывался к канцелярии. Эге, да тут, оказывается, немало всякого военного добра: две пишущие машинки, несколько чемоданов с бумагами, в углу ручные гранаты и возле них один на другом стоят ящики с пистолетными и автоматными патронами. Старик не зря считал себя знатоком военного дела — кое в чем он разбирался.

Офицер, не добившись результатов, послал в дом Шахова солдат для обыска. Все перерыли, все перевернули солдаты, но ничего не нашли. Тогда со злости они подорвали домик противотанковой гранатой (старый, трухлявый, он рассыпался в дыму и грязной, черной пыли), а самого Шахова потащили на расстрел.

— Будешь умереть, партизан! — свирепо закричал на него офицер и с силой толкнул к группе людей, стоявших возле избы, в которой размещался штаб. Их было пятеро. Четырех Шахов не знал, но по обмундированию догадался, что это пленные красноармейцы. А пятый бы свой, местный, белоусовский сапожник Константин Лисин.

— За что тебя? — тихо спросил Лисин.

— Со стариками воевать они мастаки, — сердито пробормотал Шахов. — А тебя за что?

— Сам не знаю... Думают, что партизан... Какая-то гнида в селе завелась и показывает пальцем.

— Замолчать! — громко закричал офицер и показал солдатам в сторону леса. Всех арестованных повели на окраину села. Здесь солдаты поставили на треногу пулемет, зацелкали затворами и приказали пленным рыть яму.

— Ну что ж, — вслух подумал Василий Иванович. — Сам всю жизнь на себя работал, а теперь и могилу сам себе подготовлю.

Он деловито поплевал на ладони, толкнул в бок бледного обмякшего Лисина — тот что-то неразборчиво шептал про себя — и взял в руки лопату. Красноармейцы, покосившись на пулемет, тоже нехотя взялись за лопаты.

Пленные поработали минут десять-пятнадцать, не больше. Потом подкатил мотоциклист и что-то прокричал солдатам. Оказалось, что начальство приказало расстрел отложить, а пленных погнать на постройку моста.

— Отсрочку нам делают, товарищи, — тихо сказал Лисину и красноармейцам Шахов. — Так вы уж не зевайте... Разумеете?..

Несколько дней Шахов вместе с другими пленными работал на стройке моста, а однажды под вечер, отойдя в сторону, неожиданно согнулся в три погибели и, скатившись с насыпи, исчез на глазах зазевавшегося часового.

Но куда податься? Где и как скрыться от фашистской нечисти? Теперь он «меченый», и если где его увидят — не миновать ему пули или веревки.

Шахов добрался до окраины деревни и здесь, в одной из ям, приспособился жить. Ему удалось узнать, что его старуха ютится у кого-то из соседей, и это успокоило старика. Теперь все домашние заботы с него свалились, и он мог взяться за осуществление задуманного плана.

В одну из темных, непроглядных ноябрьских ночей загорелась изба, в которой помещался немецкий штаб и где недавно допрашивали Шахова. Огонь быстро пополз по бревнам, по стенам, осветив ближние дома зеленоватым, голубым, а затем и ярко-красным пламенем. Часовой, заметив пожар, дал выстрел в воздух и кинулся к огню, но был отброшен страшным взрывом, потрясшим всю деревню. Взрывы следовали один за другим, и в грохоте потонули крики и вопли гитлеровцев. Штабной дом взлетел на воздух вместе с десятком офицеров и солдат.

Дом поджег Василий Иванович Шахов, причем поджег с того угла, где, как он приметил, в комнате лежали гранаты и патроны^[8].

Так действовал старик Шахов, обещавший «подмогнуть», так действовали и другие советские патриоты. Слухи об их героических поступках неслись из села в село, как вестники радости и надежды, и зажигали сердца людей верой в скорое освобождение от фашистской оккупации.

В ПУТЬ, ТОВАРИЩИ!

Когда Маруся Конькова вторично вернулась в лесной лагерь, Бабакин и Жабо не удержались и на радостях расцеловали девушку. Принесенные ею сведения — настоящий клад. Они уточнили и расширили данные, полученные от подпольщиков, «маяков» и других партизанских и войсковых разведчиков, в разное время добравшихся до окраин Угодского Завода. Теперь можно было представить себе расположение немецких штабных точек и пути подхода к ним.

И вот уже принято решение: сегодня вечером, не теряя времени, всем отрядом двигаться к Угодскому Заводу, чтобы этой же ночью осуществить задуманный и разработанный план разгрома вражеского гарнизона. Силы, конечно, несравнимы. Партизан, московских чекистов, «истребителей» и бойцов из отряда особого назначения штаба Западного фронта — всего 302 человека. А немецкий гарнизон в Угодском Заводе, включая штабных офицеров и маршевые пополнения, насчитывал примерно до 4 тысяч человек и располагал, кроме обычного стрелкового вооружения, танками, броневиками и минометами. Эти сведения Карасеву и Жабо подтвердил через капитана Накоидзе штаб 17-й стрелковой дивизии, собиравший разведданные о вражеских силах, действовавших на участках дивизии.

Но ждать — значит терять самое дорогое — время. Действовать, нападать — значит добиваться успеха. Темная ночь, внезапность нападения, боевой порыв и ненависть, утраивавшая, удесятворявшая сила каждого партизана и бойца, — вот на что рассчитывали Жабо и Карасев, отдавая приказание выступить немедленно.

А незадолго до этого приказа Михаил Гурьянов уже успел поговорить с бойцами, поддержать некоторых дружеским, теплым словом, вызвать смех веселой шуткой. Гурьянов ни на минуту не забывал о своих обязанностях партизанского комиссара.

Еще будучи председателем райисполкома, много читая, главным образом по ночам, Михаил Алексеевич познакомился с боевой историей первых красных полков и армий. Особенно привлек его внимание изумительный героизм бойцов первого Крестьянского коммунистического полка 3-й армии. Недаром этот полк в незабываемые годы гражданской войны и иностранной интервенции называли полком Красных Орлов. Стремительно бросались орлы на врага и, соединяя разумное командование с величайшей революционной храбростью, разбивали противника наголову.

Неужели же сыны и внуки, наследники славы тех давнишних орлов-героев, не сумеют выполнить то, что со стороны кажется невыполнимым? Четкий план, разумное командование, безграничная храбрость, помноженные на любовь к Родине!.. «Мы сумеем!.. Мы сможем!» — говорил Гурьянов солдатам и партизанам, рассказывая об эпизодах гражданской войны, и каждый прислушивался к его словам, как к боевому сигналу. Пора было собираться.

— А ты оставайся и спи, — предложил Жабо Коньковой, которая буквально шаталась от усталости.

— Нет, — твердо ответила Конькова. — Я пойду со всеми. Разве в бою не нужна медсестра?

— Нужна. Но хватит ли у тебя сил?

— Хватит!

— Дойдешь?

— Дойду!

— Хорошо, — согласился Жабо, испытывая чувство благодарности и уважения к этой девушке. — Пойдешь с нами.

Перед походом большую заботу о своих товарищах проявили девушки Галина Ризо, Маруся Конькова, Зинаида Ерохина и Александра Максимцева. Они переходили от бойца к бойцу, справлялись, нет ли у кого потертостей ног, оказывали больным необходимую медицинскую помощь, советовали высушить портянки на груди, под ватниками или полушубками, переворачивали отдыхающих на земле, чтобы не застыли, не замерзли.

— Золотые девчата! — с чуть приметной грустью сказал Гурьянов, наблюдавший за девушками. — Как стараются.

— И санитарки, и медсестры, и бойцы, — поддержал Жабо.

Стоявший рядом Каверзнев задумчиво проговорил:

— Моя Зина — маленькая, совсем девочка, а винтовку носит, как заправский солдат.

— Значит, мал золотник, да дорог, — шутливо воскликнул Карасев и пошел разыскивать Лебедева: надо было окончательно уточнить маршрут.

Вечером отряд двинулся в путь. Шли налегке. Тулупы, тяжелые полушубки и лишнее снаряжение — все было оставлено на месте стоянки. Зато все бойцы стремились получше вооружиться и набрать побольше патронов. Кроме винтовок, автоматов (они еще были в новинку), гранат и ручных пулеметов, многие получили бутылки с горючей смесью, термитные шарики и толовые шашки.

Бойцы шли осторожно, медленно, прислушиваясь к каждому звуку, каждому шороху. Их вели знающие местность проводники. На флангах, в некотором отдалении от отряда, бесшумно скользили дозорные. Если проводники и впереди идущие останавливались или неожиданно ложились на снег, все повторяли их движения, выполняя категорический приказ командира — ничем не обнаруживать себя, в бой не ввязываться, на выстрелы не отвечать. Главная цель — Угодский Завод.

В лесу было так темно, что ни дороги, ни деревьев, ни даже рядом идущего человека не было видно. Только с трудом различались марлевые повязки на рукавах и шапках бойцов. Сейчас эти светлые повязки помогали не растерять друг друга в темноте, а в ночном бою они должны были помочь отличать своих от гитлеровцев.

Лес!.. В зимнем убранстве стоят деревья, чуть поскрипывая от порывов налетающего ветра. Холодный воздух леденит лицо, забирается под шинели, пальто, телогрейки, пиджаки. Кажется, будто доносятся еле ощутимые запахи хвои, прикрытой снегом. Скорой декабрь — пора подготовки новогодних елок, прихода сказочных дедов-морозов, школьных каникул и шумных балов с танцами, музыкой, маскарадными масками, россыпью конфетти, треском бенгальских огней и взлетом мечтаний о будущем...

Когда все это было?.. И странно, что об этом думается сейчас, в темном, тревожно шумящем лесу, на пути к бою. Вот они, совсем иные, не бенгальские огни, и иная, не праздничная музыка. Где-то идет бой. Чернильно-черное небо совсем недалеко освещается багровыми вспышками. Над лесом в невидимой вышине гудят бомбардировщики. Ухают взрывы, от которых вздрагивает под ногами земля. Слышен непрерывный гул — бьет артиллерия. Гул усиливается и превращается в рев и вой. Опытный слух офицеров Жабо и Карасева улавливает звуки орудий большой мощности и мощный скачущий грохот, будто катятся, подпрыгивая, железные обручи и в то же время огромные молоты, рассекая воздух, бьют, в грудь земли, отскакивают от нее и вновь бьют, бьют... Это «играли» советские «катюши».

...Родина моя! На твоей чудесной земле идет бой. Нет, не просто бой, а битва — за твою честь и свободу, за твою и мою жизнь. За нашу жизнь! И я, сын твой, тоже иду сейчас в бой и буду драться за тебя, за себя, за Москву — за все, что воплотилось в

нежном, мужественном и неповторимо прекрасном слове — Родина!.. Этих торжественных слов сейчас никто не произносил, но можно не сомневаться, что они жили в сердце каждого воина отряда.

Непроизвольным движением Жабо поправил висевший на шее автомат, подтянул колодку с маузером, ощупал гранаты на поясе...

В пути произошёл случай, чуть было не погубивший задуманную операцию. Мелочь, случайность...

Двигаясь через лес по намеченному маршруту, отряд наткнулся на небольшое подразделение гитлеровцев, которые, протянув между деревьями полотнища палаток и закутавшись в башлыки и одеяла, грелись у костра. Очевидно, они так были уверены в своей силе и безопасности, что даже, пренебрегая правилами светомаскировки, развели огонь. Заметив костер, проводники своевременно свернули влево, и бойцы стали тихо и осторожно обходить опасное место.

Замыкая отряд, идя несколько поодаль за последними рядами партизан, старший лейтенант Каверзнев незаметно для себя чуть отклонился в сторону и вдруг почувствовал, как дуло его автомата задело за что-то невидимое в темноте, тут же вздрогнул от раздавшегося над самым ухом хриплого сонного голоса:

— Пауль? Бист ду блинд?.. Бер!..^[11]

Каверзнев чуть было не шарахнулся и не побежал, настолько неожиданной была эта встреча. Очевидно, гитлеровский солдат стоял на посту и, привалившись спиной к дереву, дремал. Каверзнева, задевшего солдата за шинель дулом автомата, он принял за своего приятеля, патрульного, и спросонья обругал его.

Молнией обожгла мысль: повернуться, наброситься, задушить, не дать крикнуть, но он сдержался и тем же шагом размеренно, и неторопливо прошёл дальше.

Закреть

— Я... Я... — только и смог глухо, сквозь зубы пробормотать Каверзнев, исчезая в темноте. Он почувствовал, как сразу взмокла на нем рубашка и кровь бросилась в виски. Машинально бросив слово «я», Каверзнев в этот момент и не вспомнил, что оно по-немецки означает «да» и таким образом послужило успокоительным ответом для гитлеровца.

К часу ночи весь отряд благополучно добрался до опушки леса и сосредоточился в большой балке, примерно в 800 метрах от восточной окраины Угодского Завода. Неподалеку начинался парк — любимое место прогулок молодежи. Слева темнело кладбище.

Здесь, в балке, Жабо собрал всех командиров и еще раз коротко повторил боевую задачу и план действий. Тактический замысел операции определялся большой разбросанностью Уродского Завода. «Точки», или объекты, на которые необходимо было нападать, находились в разных местах села. Поэтому весь сводный отряд еще заранее был разбит на восемь ударных групп: каждая группа имела свой объект нападения и свои дополнительные задачи. Сейчас командиры групп получали последний инструктаж.

Первая ударная группа, в которую входили со своими партизанами Карасев и Гурьянов, нападала на здание бывшего райисполкома, где, по предположениям, находились офицеры штаба тыла и до роты эсэсовцев, бдительно охранявших своих начальников.

Вторая группа под командованием старшего лейтенанта государственной безопасности Каверзнева должна была ворваться в здание школы (оно находилось ближе других объектов, недалеко от леса), истребить всех гитлеровцев, захватить оперативные документы и, если удастся, взять живым «языка».

Остальные шесть групп — Бабакина, Пигасова, Лившица и других — также получили свои «точки», к которым и повели их проводники из местных партизан. Линия нападения растянулась: здания райкома партии, сберкасс, Дома культуры, помещения свиносовхоза и все пригодные для жилья и хранения скота, горючего и обмундирования — все это должно было попасть под огонь бойцов сводного отряда. Перед броском Жабо напомнил всем, что действовать нужно быстро, решительно, не

дожидаясь дополнительных команд, и не только уничтожать гитлеровцев, но и сжигать всю их технику, склады с горючим и продовольствием.

Конечно, разбросанность групп затрудняла для Жабо руководство боем и осуществление взаимодействия. Но тут уж ничего не поделаешь — приходилось считаться с неизбежными трудностями и возможными неожиданностями. Но это же, как потом оказалось, напугало гитлеровцев и создало у них впечатление, что в Угодском Заводе неизвестно откуда появились крупные силы Красной Армии.

Отдельно была выделена группа подрывников. Ей поручалось подобраться к реке Угодке, подорвать мост, уничтожить охрану, а потом, вовремя боя, спилить и повалить побольше телеграфных столбов на окраинах поселка, а в центре рвать связь любыми способами.

— Начало налета — 2.00 (— Товарищи, сверьте часы!).

Сигнал начала действия — пулеметная очередь на правом фланге (группа Лившица) трассирующими пулями.

Выход из боя — по приказу командира через связных. Место сосредоточения отряда после боя и эвакуации раненых — лес, пятьсот метров восточнее Угодского Завода.

Знаки опознавания своих — белые повязки на рукавах и головных уборах. Общий пароль (особенно на случай совместных действий и столкновения в темноте) — «Родина!», отзыв — «Москва!»

Каждая группа после инструктажа выдвигается на исходное положение, располагаясь вдоль окраины поселка на протяжении примерно двух километров.

— Все понятно? Вопросы есть? — тихо спросил Жабо, закончив повторный инструктаж. Он почувствовал, как пересохло в горле от волнения и напряжения, и вынужден был несколько раз кашлянуть в рукав.

— Понятно... ясно... — раздались голоса командиров, и только Гурьянов задал вопрос, который, собственно, вертелся на языке у каждого:

— Ну, а если что случится не по плану? Тогда как?..

— Тогда действовать по обстановке, — прозвучал твердый голос Жабо. — Что бы ни случилось — всем выполнять главную задачу: истреблять фашистов, технику, захватывать документы. Действовать смело, решительно, помогать товарищам.

После минутной паузы он уже другим, не начальническим тоном добавил, будто подумал вслух:

— Ведь идем в бой за Родину, товарищи!

Эти слова прозвучали мягко, дружески и вместе с тем торжественно.

Гурьянов порывисто обнял Жабо и растроганно проговорил:

— Спасибо, друг... Правильные, хорошие слова сказал.

А потом добавил:

— Знаешь, Владимир, у меня сейчас такое чувство, будто я домой собрался.

— А в доме — гости непрошеные.

— Мы их угостим сейчас так, что весь век помнить будут.

— Ты только берегись, под пули не лезь.

— Слушаюсь, — шутиливо откозырял Гурьянов. — Мне ведь и самому хочется, когда эту мразь выкурим, поработать вовсю. Мы, брат, из Угодского Завода образцовый район сделаем.

Даже в последние минуты перед боем Михаил Алексеевич нет-нет да и возвращался мыслями к своему району, к своему «хозяйству», которому отдал много труда и любви. В этот ночной час, уже чувствуя себя в бою, в схватке с еще не видимым, но засевшим и хозяйничающим в родном селе врагом, Гурьянов невольно думал о завтрашнем дне — без войны, без фашистов и строил планы, которыми всегда была переполнена его энергичная, деятельная натура.

Жабо недовольно хмурился: он, кадровый офицер, привык к точности и определенности, а все сведения партизанских и войсковых разведчиков были все же неполными. Какие вражеские силы именно сейчас, в эту ночь, находятся в Угодском

Заводе? Поскольку этого разведчикам, к сожалению, установить не удалось, можно было только с наибольшей долей вероятности предположить, что в селе находились подразделения и канцелярии тыла 12-го армейского корпуса с приданными им несколькими танками и орудиями, одна-две роты охраны, аппарат комендатуры, гестапо или секретной полевой полиции, то есть жандармерии. Ко всему этому надо приплюсовать и маршевые роты, которые обычно на день-два останавливались в селе: ведь пополнение частей корпуса следовало через Угодский Завод.

Обо всем этом раздумывали Жабо, Карасев, Гурьянов, Щепров и все остальные воины отряда. «Да, как ни считай, а немцев здесь наберется до четырех тысяч, а нас всего 302 человека. Маловато! И все же, если удастся разгром фашистских сил в Угодском Заводе, это не может не повлиять на действия соседних войсковых частей, крепко поможет нашей 17-й дивизии».

Жабо еще и еще раз уточнял план налета, ясно понимая и веря, что даже такая ограниченная операция будет иметь значение, поскольку она развернется в ближайшем тылу немецко-фашистских войск, в условиях исключительно плотной их концентрации в решающие, критические дни битвы под Москвой.

Это и успокаивало и обнадеживало Жабо. Своих мыслей и предположений он не скрывал от Карасева, Гурьянова и других товарищей и помощников.

Но в тот момент, когда прогрехотали первые пулеметные очереди, все раздумья и предположения сразу же отодвинулись далеко назад, и им, командиром сводного отряда, овладело только одно желание — довести начатое дело до конца и показать всем бойцам — и партизанам, и войсковикам — пример храбрости, бесстрашия и воинского мастерства.

Ровно за десять минут до назначенного срока проводники вывели группы в намеченные места, откуда те по сигналу должны были двинуться к своим объектам.

Немецкие патрули, обходившие поселок, ничего не заметили и не услышали.

Тишина. Ночь. В домах уже давно погасли огни, еле пробивавшиеся сквозь маскировочные шторы. Непроницаемая, плотная темнота накрыла землю.

Стрелки на часах Жабо, Карасева и Гурьянова отсчитывали секунду за секундой, минуту за минутой. Эти последние десять минут казались самыми долгими, трудными и мучительными.

В это время к Карасеву подполз Илья Терехов. Тяжело дыша, будто он только что пробежал много километров, Терехов положил перед командиром прямо на снег автомат и немецкую каску.

— Что это? — удивился Карасев. — Ты откуда такой запаренный?

— Товарищ командир... Не ругайте... Виноват я, конечно, что без спросу... Но все в порядке...

— Да в чем дело? Говори толком.

У Карасева тревожно засосало под ложечкой. Что наделал этот парень?

— Да говори же! — уже со злостью прошептал Карасев.

— Вон там, у самого выхода из леса, я заметил фигуру... Часовой, думаю, или наш? Подполз поближе. Самый что ни на есть фриц. Стоит и в лес вглядывается. Вот сволочь, думаю, еще заметит нас, гвалт поднимет...

— Ну?

— Ну... В общем, я снял его.

— Как снял?

— Очень просто. Тихонько подобрался и кинжалом вот этим ударил и сразу на него, фрица, навалился. Как тогда, в лесничевке, когда белобрысого офицера брали. И пикнуть не успел. Это его автомат. На том свете он никому не нужен. И каска.

У Карасева отлегло от сердца. Нужно дело сделал Терехов, очень нужное, правда, за самовольный поступок следовало бы крепко отругать. Ведь он — солдат, ефрейтор и воинские порядки знает. Но хотя он поступил опрометчиво, все же убрал с дороги немецкого часового, который мог преждевременно обнаружить отряд и поднять тревогу. К

тому же до начала налета осталось две минуты... Нет, только одна минута... Разберемся потом, на базе.

— Я тебя за самовольство... — только и успел проговорить Карасев.

В ту же секунду на правом фланге тишину ночи пререзала длинная пулеметная очередь. «Что это? — мелькнуло в голове Жабо. — Ведь условились трассирующими. Неужели перепутали?»

Нет, как выяснилось потом, не перепутали, точно выполняли приказ — группа подходила к мосту через Угодку. Но гитлеровская охрана заметила приближавшиеся фигуры бойцов. Из блиндажа возле моста ударил немецкий пулемет. Он на какую-то долю минуты опередил условную пулеметную очередь Лившица. Было ровно два часа ночи — время совпало, — и все командиры групп пулеметную стрельбу приняли за сигнал к атаке.

Раздумывать было некогда. Послышался звонкий голос Жабо.

— За мной! Вперед! — закричал он и побежал вперед, в темноту, срывая с шеи автомат. Справа и слева он слышал такие же возгласы: «Вперед!.. За Родину!..» Остальные группы вслед за командирами бросились в поселок к «своим» зданиям, и крики потонули в треске пулеметной и автоматной стрельбы и в грохоте первых разорвавшихся гранат.

НАЛЕТ НА НЕМЕЦКИЙ ГАРНИЗОН

Метнувшись в узкий переулок на окраине села, Жабо, Карасев, Гурьянов и бойцы группы быстро окружили здание райисполкома и бросили в окна первого этажа несколько гранат. Часовой, стоящий у входа, не успев опомниться, упал, подкошенный автоматной очередью.

Жабо рассчитывал сразу же ворваться внутрь здания, но входная дверь оказалась закрытой на железную задвижку изнутри и не поддавалась никаким усилиям. Сорвать ее не удалось. А из окон второго этажа уже раздавались первые ответные выстрелы немецких офицеров. Зазвенели разбитые стекла. Из крайнего окна показался вздрагивающий в огненных вспышках ствол пулемета. Еще секунда-другая, и сбившиеся в кучу бойцы начнут падать под пулями врага.

Выручил «хозяин» здания райисполкома Михаил Гурьянов.

— Разойдись!.. В сторону!.. — во всю силу легких закричал он и, размахнувшись, бросил в дверь одну за другой две гранаты. Дверь разлетелась в щепы. Домашев, Терехов и другие бойцы вбежали в коридоры первого этажа.

Здесь творилось что-то невообразимое. Из всех дверей выбегали гитлеровцы, в мундирах и в белье, с дикими криками они метались по коридорам и лестницам, сталкиваясь друг с другом, стреляли из пистолетов и автоматов. А партизаны, прижавшись к стенам и спрятавшись за поворотами, в темноте, рассекаемой огненными брызгами, простреливали коридор, двери в комнаты и косили всех, кто пытался выскочить наружу.

За одной из дверей забаррикадировалось несколько немецких штабников. Кто-то из партизан, крикнув «Осторожно!», бросил в эту дверь гранату, а затем, поводя дулом автомата из стороны в сторону, разрядил весь диск.

Бойцы группы кинулись по лестнице на второй этаж. Но лестничную клетку заняли несколько немецких офицеров и непрерывно стреляли вниз. Перестрелка продолжалась две-три минуты. Затем, топоча сапогами, офицеры и солдаты стали сбегать по лестнице, прорываясь к двери. Некоторым удалось выскочить, но большинство попадали под пули партизан и сваливались здесь же, загораживая своими телами проходы и ступени лестницы.

В горячке боя Карасев разрядил весь диск автомата. Быстро набросив на шею автомат, он выхватил маузер и с Гурьяновым и несколькими бойцами пробился на площадку второго этажа. Здесь им пришлось залечь, так как большая группа гитлеровцев, находившихся в конце коридора, вела сильный огонь. Однако четыре гранаты и

несколько пулеметных очередей, выпущенных Домашевым, сделали свое дело, огонь со стороны немцев прекратился.

И вдруг совершенно неожиданно, неуверенно замигав, вспыхнули электрические лампочки. Кто-то из гитлеровцев, видимо, включил рубильники походной штабной электростанции. От яркого света Карасев невольно зажмурился, а когда раскрыл глаза, заметил, как по лестнице, вытянув длинную руку с пистолетом, пятится немецкий офицер. Карасев вскинул маузер, но раздался только щелчок: кончились патроны.

— Берегись! — крикнул Гурьянов, оказавшийся рядом, и нажал на спусковой крючок карабина.

Но его карабин тоже оказался пустым. Немецкий офицер, воспользовавшись этой невольной паузой, успел несколько раз подряд выстрелить. В тот момент, когда Карасев быстро перезаряжал маузер, разрывная пуля ударила его в кисть правой руки. Он ощутил сильный толчок, что-то горячее обожгло руку, но боли сначала не почувствовал.

Возможно, что гитлеровец успел бы выстрелить еще раз, в упор, но Карасева спас Гурьянов. Выхватив пистолет, он метким выстрелом свалил офицера и бросился дальше, на второй этаж.

Мимо пробежала группа партизан. В коридоре завязался бой. Гитлеровцы отстреливались, а некоторые, вышибая ударом ноги оконные рамы, выпрыгивали со второго этажа на улицу, где попадали под огонь партизан.

Капитан Жабо, заметив ранение Карасева, приказал одному из бойцов отвести старшего лейтенанта на медпункт. Прижимая к груди окровавленную руку, Карасев, пошатываясь и прислоняясь к плечу товарища, дошел до медпункта (он был недалеко, почти у самой опушки леса) и здесь попал в заботливые руки медицинской сестры Галины Ризо.

А в это время в здании райисполкома продолжалась ожесточенная схватка.

Гурьянов пробивался к своему кабинету, в котором проработал немало лет. Он понимал, что этот кабинет занял какой-нибудь гитлеровский генерал или полковник, и надеялся пристрелить там непрошеного гостя и захватить важные штабные документы. Но из дверей кабинета непрерывно трещали выстрелы, и подойти поближе было невозможно. У Гурьянова остались только две гранаты, и он, ухнув, с размаху бросил их в дверь. Однако вражеский огонь не прекратился. Подоспевший на помощь Гурьянову Жабо одну за другой кинул еще две гранаты. Когда и они взорвались внутри председательского кабинета, выстрелы наконец прекратились.

Гурьянов первым, размахивая пистолетом, вбежал в свой кабинет. За ним — большая группа бойцов. На полу, на стульях, возле стен, за столами и шкафами в различных неестественных позах лежали убитые и раненые гитлеровские офицеры. Кто-то хрипел, стонал.

Когда Жабо тоже оказался в кабинете, Гурьянов срывал со стены две большие карты с нанесенной на них оперативной обстановкой. Обе карты он запихнул в вещевой мешок. Туда же утрамбовал различные документы, которые партизаны вытащили из разбитых ими столов и шкафов.

— Вот, капитан, где они, глянь только!

Гурьянов тряс большой пачкой фотографий, которые нашел в одной из папок. Это были фотографии советских активистов, украденные Гнойком, и множество других фотографий, очевидно, размноженных с негативов захваченных немцами в местной фотографии, изготавливавшей снимки для партийных документов.

Но Жабо сейчас было не до фотографий. Он, собственно, ничего и не знал о них.

— Выходить! — скомандовал он. — Поджигать!..

Через несколько минут двухэтажное здание райисполкома пылало, как факел.

Группам Каверзнева и Бабакина не удалось вплотную приблизиться к намеченным объектам. Обеим группам надо было пробежать сквер и площадь, а немцы уже вели отсюда сильный пулеметный огонь. На Советской и Коммунистической улицах бойцы Каверзнева и Бабакина бесстрашно пробивались вперед, расстреливали выбегавших из темных зданий немцев, уничтожали фашистскую технику...

Рядом с Каверзневым все время «работал» Сергей Щепров. Ведь он был не только бойцом, а и политруком, и парторгом. Поэтому в эти грудные минуты он старался личным примером увлечь бойцов. Автомат Щепрова строчил непрерывно, ствол накалился, а политрук все время находил новые и новые цели и, перезарядив автомат, снова бросался туда, где, как ему казалось, требуется помощь и «добавочный огонек».

Каверзнев невольно искал глазами Зину Ерохину, хотя и знал, что в темноте трудно найти. Он беспокоился, как бы ее не зацепило случайно пулей или осколком гранаты. Маленькая юркая девушка, похожая издали на мальчишку, не отставала от своих товарищей — стреляла, бросалась наперерез бегущим немцам, а при опасности приседала на корточки или падала на землю.

С таким же отцовским вниманием следил за девушкой боец Еременко. Столкнувшись с ним, Каверзнев приказал:

— Поглядывай за Зиной... Пусть не лезет на рожон.

— Есть поглядывать! — громко ответил Еременко и крикнул: — Зина! Держись рядом... Слышишь?

— Слышу! — донесся ее тонкий голосок, и Зина снова метнулась куда-то.

Остальные группы бойцов сводного отряда тоже выполняли свои задачи: громили гитлеровские подразделения, оборонявшиеся на территории свиновхоза, в зданиях сберкасс, Дома культуры, семилетней школы и в других зданиях.

Владимир Жабо, руководя боем, перебегал от «точки» к «точке» и бесстрашно вырывался вперед. Бойцы старались опередить его, чтобы прикрыть собой командира.

— Товарищ капитан! — раздавалось сразу несколько голосов. — Осторожнее!..

Особенно трудно досталась победа на территории свиновхоза. Здесь размещались строевые подразделения, укомплектованные обстрелянными, побывавшими в боях гитлеровскими солдатами. Они упорно и организованно оборонялись и не только отстреливались, но сделали две попытки прорваться к дороге на Черную Грязь. Однако оба раза попадали под губительный огонь винтовок, автоматов и пулеметов. А когда бойцы и партизаны, увидев впереди знакомую фигуру своего командира, поднимались в атаку, гитлеровцы, шедшие напролом, пятились и разбегались.

Затем несколько бойцов и партизан подожгли авторемонтную мастерскую, склад с горючим и находившийся в отдалении от жилых домов склад боеприпасов. Раздались мощные взрывы.словно неожиданно налетевший ураган со свистом пронесся над пылающими зданиями; затем с короткими промежутками стали взрываться ящики с патронами, артиллерийскими снарядами и минами. Взрывы непрерывно потрясали село и заглушали все звуки неutihавшего боя.

На улицах стало светло, как днем.

Позже всех в прямой, непосредственный бой вступила группа младшего политрука Лившица. Проводники группы, опасаясь неожиданной встречи с немецкими патрулями, повели бойцов к аптеке и больнице более длинным путем, в обход села. Поэтому к своему объекту группа подошла слишком поздно, и многие офицеры и солдаты гестапо и полевой жандармерии успели разбежаться.

В горячке боя все забыли о необходимости захватить «языка». Ожесточение было так велико, ненависть к немецким оккупантам клокотала так сильно, что каждый боец, где бы ни заметил гитлеровца — прямо перед собой, на улице или в здании, в углу комнаты, под столом или под кроватью, — немедленно разряжал во врага автомат, пистолет или бросал гранату.

Лейтенант Климов настойчиво пробивался с несколькими бойцами в здание школы. Здесь размещался один из отделов немецкого штаба и, по имевшимся сведениям, проживали генерал и старшие офицеры. Они открыли ответный огонь из автоматов и пулеметов и не давали возможности партизанам приблизиться к дверям.

— А ну, прекратить стрельбу! — приказал капитан. — Попробуем договориться с фрицами.

Жабо отлично владел немецким языком. Он громко прокричал требование всем офицерам и солдатам сдаться в плен. Ответа не последовало. Жабо вторично потребовал сдаться, но в это время из окна школы затрещал автомат.

— Тогда вперед!.. Бей гадов!.. — крикнул Жабо.

Бойцы группы забросали здание школы гранатами и затем ворвались внутрь. Продвигаясь из класса в класс, они уничтожали яростно сопротивлявшихся немецких солдат и офицеров.

На пороге одного из классов, превращенного в канцелярию, лейтенант Климов столкнулся лицом к лицу с выбежавшим в коридор фашистским генералом. Генерал (а может, это был полковник), выстрелил, но промахнулся. В ту же секунду инстинктивно выстрелил Климов и ранил генерала в грудь. И тут только лейтенант вспомнил, что такой «язык» может очень пригодиться советскому командованию. Тогда он оттащил упавшего на пол генерала в сторону, чтобы его не затоптали, а сам пока бросился в помещение штабной канцелярии. Здесь он разбил стол, сложил в большой желтый портфель, лежавший на краю стола, все бумаги, вытряхнутые из ящиков, повесил через плечо две офицерские сумки, планшетку и снова выскочил в коридор к «своему» генералу. Тот лежал на прежнем месте и хрипел.

Климов схватил пленного за руки, потащил его к выходу к выволочку на улицу. Здесь шел бой. Стрельба не затихала. У входа в школу лежало несколько раненых партизан.

Из соседнего здания ударил немецкий пулемет. Бойцы разбежались и залегли. Тогда Климов снова оттащил пленного генерала в сторону, под крыльцо, и, оставив его у стены, бросился в дом, откуда бил пулемет. Немецкие пулеметчики, засев в крайней комнате, стреляли из окна. Климов подкрался к двери, стремительно распахнул ее и бросил в комнату две гранаты. Пулемет замолчал.

Теперь Климов мог опять заняться пленным. Поднять его и взвалить на плечи у лейтенанта не хватило сил, и он поволок «языка» по земле. Во время этого своеобразного путешествия по улицам Угодского Завода посреди хаоса огня, дыма, выстрелов и взрывов раненый немецкий штабист умер. Климову осталось только с досады крепко выругаться и вынуть из карманов мундира с крестами все документы.

— Товарищ лейтенант, и у меня трофеи, — услышал он возбужденный срывающийся голос. В темноте, разрываемой колеблющимися всплесками огня, перед Климовым выросла фигура сержанта Михаила Козлова. Он вытянул перед собой руки, и Климов увидел два туго набитых портфеля.

— Пригодится, наверное, — сказал Козлов, вытирая рукавом шинели вспотевшее лицо.

— Что там?

— Документы всякие. Полно!

— Молодец! После боя все передадим Жабо.

Критический момент наступил тогда, когда в село вкатились четыре танка и броневик. Из броневика засверкали вспышки пулеметных очередей, а танки, развернув пушки в сторону леса, выпустили несколько снарядов. Видимо, стрелять по селу вдоль улиц или по метавшимся вокруг зданий фигурам экипажи танков пока не решались, опасаясь поразить своих. Поэтому для устрашения открыли стрельбу по лесу.

— Поджигай танки! — громко крикнул Жабо.

— Поджигай! — подхватил этот возглас комсомолец Алексей Басов, боец из группы Бабакина, и взмахнул выхваченной из кармана бутылкой. Освещаемый багровыми отсветами, не пригибаясь к земле, он стремительно рванулся вперед, будто хотел грудью своей остановить танки, разрушить их броню. За Басовым бросилось еще несколько человек.

— Жги!.. Бей!.. — неслись крики смельчаков, решившихся на единоборство с бронированными машинами, испятнанными маскировочной краской и крестами.

Первая бутылка, брошенная Басовым, не долетела до цели, зато вторая ударилась о борт переднего танка и, рассыпавшись на мелкие осколки, выплеснула огонь.

— Давай, давай! — продолжал кричать Жабо, подбодряя товарищей. Вдруг Басов упал на землю и пополз по-пластунски, стараясь не попасть под пулеметные очереди. Его

примеру последовали остальные. Оказавшись в мертвом, непростреливаемом пространстве, партизаны забросали танки и броневик бутылками с зажигательной смесью. Голубовато-желтые струйки огня поползли по броне, затем вспыхнуло пламя. Скрежеща гусеницами, танки неуклюже завертелись на месте. Они пытались развернуться, но уже начали взрываться снаряды, и из люков стали выскакивать объятые огнем фигуры танкистов. Их косили партизанские пули.

— Молодцы! — сказал Жабо Лебедеву, когда кто-то весело крикнул, что «танкам капут». — Скоро пора кончать... Если меня подстрелят, ты, Коля, вместе с Гурьяном води отряд на базу. Тебе помогут Щепров и Казаков. Вот беда-то, Карасев ранен.

— Брось, брось, капитан, — с грубоватой нежностью ответил Лебедев. — Ты еще повоюешь и покомандуешь.

А бой вокруг продолжался. К Жабо подбегали связные от командиров групп, коротко докладывали обстановку, получали указания (Поджечь!.. Взорвать!.. Проверить этот дом!.. Внести раненых на медпункт!..) и убегали. То там, то тут вдруг раздавался громкий возглас: «Родина!..» Партизан предостерегающе поднимал руку с марлевой повязкой, и столкнувшийся с ним товарищ, крикнув в ответ — «Москва!» или «свои!» — мчался дальше, вдогонку за убежавшими гитлеровцами.

Вот мимо пробежал возбужденный, разгоряченный политрук Сергей Щепров.

— Все в порядке! — крикнул он, перезаряжая на ходу автомат. — Бьем и в хвост и в гриву!

Отличным бойцом и героем показал себя общий партизанский любимец, бывший рабочий одного из московских заводов Михаил Муфталиев. Во время боя он был тяжело ранен, но отправиться на медпункт отказался. Заметив, что к одному из домов подбирается группа гитлеровцев, намереваясь, очевидно, проникнуть внутрь, Муфталиев быстро, насколько хватало сил, пополз к дому и уселся на крыльцо, привалившись спиной к стене. Здесь он слабеющими руками прижал автомат к животу и продолжал расстреливать гитлеровцев, пытавшихся приблизиться к дому.

По дому били автоматы, ручные пулеметы. В Муфталиева попало еще несколько пуль, но он продолжал сидеть на крыльце, огрызаясь огнем, и никого из фашистов к дому не подпускал. Тогда немцы подкатили танкетку. После нескольких пулеметных очередей из танкетки Муфталиев, буквально изрешеченный, замер на месте. Автомат выпал из его рук. Но в ту же минуту запылала подожженная партизанами танкетка, а в гитлеровцев полетели гранаты подоспевших боевых друзей.

По селу начали бить немецкие орудия и тяжелые минометы. Подтянув силы, сосредоточившись неподалеку от Угодского Завода, гитлеровцы решили разделаться с партизанами. Возможно, они приняли партизан за большую воинскую часть, прорвавшуюся через фронт, в тыл, тем более что бой растянулся на два километра. Теперь фашисты уже, видимо, не считались с тем, что в селе еще могут находиться свои. Снаряды и мины с воем и грохотом рвались среди домов и в лесу, осколки со скрежетом и свистом рассекали воздух и впивались в стены домов, в деревья, в землю. Еще в нескольких местах запылали пожары, вздымая к темному звездному небу длинные языки Огня и клубы удушливого дыма.

Бой подходил к концу. Задача была выполнена.

Перед самым отходом погиб партизанский весельчак ефрейтор Терехов.

В бою Илья потерял Карасева. Только услышав команду к отходу, он впервые с начала налета увидел командира у медпункта. Тот стоял бледный, прислонившись к дереву, прижимая к груди окровавленную руку.

«Ранен и, видать, тяжело. Не дойдет!» — промелькнула мысль, и сразу же пришло решение. В палисаднике одного из домов, откуда только что с группой партизан ефрейтор в ожесточенной схватке вышиб немцев, он приметил стоявшую машину. Тогда в разгаре боя было не до нее. Увидел и мигом забыл. Все равно в лес не угонишь. Но сейчас...

Никому ничего не говоря, Терехов побежал к «мерседесу», бежал и улыбался, довольный своей находчивостью. Заведя машину и дав полный газ, Илья помчался по улице. Не доезжая десятка метров до медпункта, Терехов включил лампочку внутри

кабины. Увидев машину, Жабо удивился. Откуда? Чью? Может, кто из фашистских начальников, уцелевших во время налета, решил удрать, спастись от партизан? Но нет! Слабо освещенная фигура шофера, сидевшего за рулем, показалась капитану знакомой. Он стал напряженно вглядываться. В этот момент один из партизан, решивший, что в машине наводится гитлеровец, не раздумывая, бросил противотанковую гранату. Машина разлетелась на куски.

Так случайно погиб храбрый, преданный боец и товарищ, калужский слесарь и шофер Илья Терехов.

...По общему сигналу все группы стали стягиваться к сборному пункту. На опушке леса командиры групп сделали перекличку. Недосчитались многих. В поселке осталось 18 погибших бойцов и партизан. Восемь тяжелораненых тут же перевязали и положили на носилки. Легкораненые и контуженные остались в строю.

Отряд углубился в лес. Позади полыхал, окрашивая в причудливые цвета небо, Угодский Завод. Впереди и на флангах рвались, сваливая, рассекая и кромсая деревья, снаряды и мины: немцы продолжали артиллерийский обстрел.

Отход отряда проходил в очень сложных условиях. Стычки с немцами на пути к фронту и непосредственно на линии фронта возникали почти непрерывно, поэтому приходилось неизбежно автоматным, пулеметным огнем и гранатами пробиваться через немецкие заслоны. Отряд нес потери и в темноте раздробился на три части, причем дальше каждая колонна двигалась самостоятельно. Это обстоятельство не очень волновало Жабо, так как он знал, что в каждой колонне есть испытанные, инициативные офицеры и партизаны и они сумеют довести людей до конечного пункта.

Через некоторое время над лесом в районе Ясной Поляны закружились фашистские самолеты и также стали обстреливать и бомбить лес. Но пулеметные очереди, к счастью, прошивали оголенные сучья деревьев в двадцати-тридцати метрах от колонны, а бомбы рвались где-то в стороне. После каждого взрыва лес долго и глухо гудел.

Шедший в середине колонны политрук Лившиц вдруг спохватился: а где Климов? Догнал Жабо, Карасева, Лебедева... Разыскал Ризо, Конькову, Гусинского... Нет, никто Климова не видел.

Лившиц вернулся в хвост колонны, и тут к нему подошел один из бойцов.

— Товарищ политрук! Лейтенанта Климова убило.

— Убит? Откуда ты знаешь? — Лившиц невольно схватил солдата за плечи и крепко стиснул.

— Да вон сзади ребята несут. Наповал!

— Женя, Женя, — горестно проговорил Лившиц и на мгновение закрыл глаза. — А ну, товарищи, похороним лейтенанта и отдадим ему последний долг.

Несколько человек стали ножами, штыками и даже голыми руками рыть могилу. А тут подошли и носильщики с убитым. Лившиц кинулся к нему и включил карманный фонарик. Что такое? Залитое кровью незнакомое лицо. Из-под шинели виднеются коричневые брюки. Но Климов-то был одет в синие офицерские брюки... И лицо другое...

— Да это же Шадрин, — прозвучал в темноте чей-то голос.

— Не Шадрин, а Калинин... Сержант! — возразил Георгий Шидловский, старшина из группы Филипповича.

Убедившись, что принесенный боец умер, Лившиц распорядился похоронить его.

А лейтенант Климов? Какова была радость Жабо, Лившица и Карасева, когда через некоторое время их догнал Климов — живой, невредимый. Все бросились обнимать его, а он смущенно отбивался:

— Да что вы... Да бросьте... Я еще поживу!

Обратный путь требовал от каждого поистине героических усилий. Голод, жажда, огромная усталость овладевали каждым. Некоторые бойцы, шедшие в хвосте, останавливались и валялись на землю. Жабо пришлось остановить отряд и передать по цепи, что тот, кто отстанет, рискует попасть в руки врага. Надо поскорее и подальше уйти от Угодского Завода. Командирам групп было приказано внимательно следить за бойцами, оказывать помощь тем, кто падал без сил или засыпал на ходу.

Чтобы обезопасить себя от возможного преследования, пришлось на пути сделать несколько завалов и заминировать лесные тропы. Было важно быстрее миновать опасные места, где могли встретиться немецкие части.

В пути пришлось выдержать еще одно испытание. Переходя дорогу, тянувшуюся от Боево на Комарово, отряд столкнулся с большим немецким обозом на конной тяге. Обоз сопровождала усиленная охрана. Ввязываться в новый бой не входило в планы партизан. Лучше залечь, замаскироваться и переждать. Но немецкая охрана обнаружила партизан и открыла огонь. Тут уж ничего не оставалось, как принять бой.

Откуда только опять силы взялись! Со злостью и остервенением все — и здоровые, и легкораненые — выскочили на дорогу и набросились на врага. Атака была настолько стремительной, что буквально через несколько минут ни один гитлеровец не остался в живых. В качестве трофеев партизаны захватили большую почту и много посылок, на которых значились пункты отправления: Берлин, Париж, Прага. Это были рождественские подарки господам немецким офицерам, воевавшим на Восточном фронте, под Москвой.

Несколько посылок пришлось вскрыть и воспользоваться их содержимым. Консервированное мясо, ром, шоколад — все это оказалось очень кстати и немного подкрепило силы проголодавшихся бойцов.

Мела поземка. Иногда налетал порывистый ветер, хлестал в лицо колючим снегом, леденил руки, пронизывал насквозь. Особенно тяжело было раненым. Марлевые повязки набухли кровью, раны ныли, от каждого неосторожного движения тело резала острая боль. А тяжелораненые, которых бойцы несли посменно на носилках, то засыпали, то вскрикивали. Некоторые начинали бредить. Рядом с носилками все время шли фельдшеры и медсестры Галина Ризо, Александра Максимцева, Маруся Конькова, Зина Ерохина и врач Вульф Гусинский. Все они устали и брели, спотыкаясь, словно в полусне.

Одну из колонн в количестве около сотни человек вели Щепров и Гурьянов. Эта колонна отстала от других, так как несла восемь тяжело раненных товарищей. Шагая рядом со Щепровым, Гурьянов недовольно басил:

— Мало мы им всыпали... Надо было еще немного повозиться с этой сволочью... Ну, ничего, — успокаивал он сам себя, — хоть мало, но все же кое-что сделали.

Во время одной из стычек с гитлеровцами Гурьянов, бросившийся на врага, неожиданно исчез из глаз Щепрова. Куда делся партизанский комиссар? Ранен? Убит? Щепров несколько раз окликнул:

Закрыть

— Гурьянов!.. Гурьянов!.. Отзовись!..

Но Гурьянов не отзывался. У Щепрова больно защемило сердце: неужели Гурьянова схватили немцы? Нет, нет, живым он в руки не дастся! Скорее всего затерялся в темноте, человек местный, дорогу хорошо знает и обязательно дойдет до своих.

Щепров даже на некоторое время задержал свою колонну и лишь после того, как окончательно убедился, что Гурьянова нигде поблизости нет, снова повел людей вперед. К головной части отряда он присоединился на сутки позднее.

— Гурьянов пришел? — сразу же спросил он Жабо.

— Нет... Не появлялся.

— В последнем бою исчезли врач Вульф Гусинский и боец Павел Величенков, — добавил Карасев, побледневший, осунувшийся.

— Война есть война, — глухо проговорил Жабо и, присев на пень от срубленного дерева, вынул планшет, чтобы написать срочное донесение на имя командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова и начальника Управления НКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева. А где-то неподалеку шел бой. Непрерывно катился по небу гул артиллерийских орудий, «играли», гремя и свистя, «катюши», ухали взрывы авиационных бомб. Вокруг — в деревнях, на дорогах, в лесах — были немцы, фашисты, и сознание, что враг может появиться каждую минуту, заставляло бойцов быть все время настороже, держало их в состоянии крайнего напряжения.

Штаб 17-й стрелковой дивизии находился уже совсем рядом.

СКЛОНИТЕ ГОЛОВЫ, ЛЮДИ!

Что же все-таки произошло с Гурьяновым?

Когда колонна Щепрова вступила в бой с последним гитлеровским заслоном, Гурьянов вместе со всеми рванулся вперед. Но тут же решил, что надо прикрыть прорыв товарищей, поэтому сразу побежал в хвост колонны и распластался на земле. Разбежавшиеся немцы снова стали приближаться, но вынуждены были под огнем автомата Гурьянова залечь и открыть ответный огонь.

Убедившись, что колонна Щепрова прорвалась и удаляется, Гурьянов попытался, не поднимаясь, по-пластунски ползти вслед за товарищами. Но ему не повезло: сначала одна немецкая пуля пробила ногу, затем другая впиалась в плечо. Кровь сочилась по одежде, нестерпимая боль разрывала все тело, и ползти уже не хватило сил. Оставалось подороже отдать свою жизнь, лишь бы задержать фашистов. А они все ближе, ближе... Уже почти теряя сознание, Михаил Алексеевич бросил последнюю гранату, услышал крики и вопли гитлеровцев и рванул из кобуры пистолет. Поздно!..

Фашисты окружили его, схватили и потащили назад, к Угодскому Заводу. Так комиссар партизанского отряда Михаил Гурьянов в бессознательном состоянии попал в плен. В короткие минуты, когда к нему возвращалось сознание, Гурьянов думал об отряде, о товарищах. Не знал он, что такая же трагическая судьба постигла отрядного врача Вульфа Гусинского и отважного бойца-партизана Павла Величенкова.

Уже на подходе к своим измученные и обессиленные партизаны и красноармейцы стали падать на заснеженную землю и сосать пересохшими губами грязней снег. Всех раненых Жабо приказал укрыть в густом ельнике, а тех, кто еще держался на ногах, повел дальше. Охранять раненых остались Гусинский, Величенков и еще несколько бойцов.

— Продержитесь немного, — проговорил Жабо. — Скоро вернемся с подмогой.

Но подмога опоздала. Большая группа гитлеровцев обнаружила раненых и стала расстреливать их в упор. В этой ожесточенной схватке погибли и раненые, и охрана. Только Гусинский и Величенков, как и Гурьянов, в бессознательном состоянии попали в плен и были привезены в деревню Нижние Колодези.

Два советских патриота выдержали зверские пытки, но ни слова не сказали фашистским карателям, не склонили перед ними головы. Как рассказывали позднее колхозники, избитые, изувеченные партизаны с презрением смотрели на своих мучителей. После пыток оба были повешены.

Ныне на месте гибели героев-партизан, в деревне Нижние Колодези стоит обелиск, на котором высечены слова:

«СКЛОНИТЕ ГОЛОВЫ, ЛЮДИ...»

Еще не занялся зимний рассвет, а в Угодском Заводе уже начались повальные обыски и допросы.

...В пять часов утра офицер с двумя автоматчиками появился на пороге избы, где временно жила Зоя Александровна Исаева. Ее приютила у себя соседки, жена работника милиции. Пока солдаты, расшвыривая белье, разбивая посуду и мебель, обыскивали комнаты, офицер коверкая русские слова, допрашивал хозяйку.

— Где твой муж?

— Он умер... уже давно... вдовая... — шептала побелевшими губами женщина, прижимая к себе напуганных ребятишек.

— Врешь, хазайка!.. Бумажка об умер есть?

— Есть... Надо найти ее... Завтра я найду...

— А ты? — Офицер ткнул растопыренной пятерней в большой, выпиравший из-под платья живот Исаевой. (Она была беременна). — Где твой муж?

Зоя стиснула зубы. Перед глазами встало лицо Якова — родного, близкого, отца ее детей. Наверное, и он вместе с товарищами громил немецкий штаб, вытрясал душу из

этих проклятых фашистов. Жив он или убит? А может быть, ранен, лежит где-нибудь в лесу и зовет ее: «Зоя!.. Зоя!..» Нет, она не отречется от мужа!..

— Говори, где муж, а то я буду шиссен... Расстреляйт!

Зоя вскинула голову и, глядя прямо в глаза офицера, ответила:

— Мой муж в Красной Армии. На фронте.

— А-а! — злорадно закричал офицер. — В Красной Армии? — Резким рывком он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в Зою. Грохот и сизый дым наполнили комнату. Пронзительно закричали дети. Зоя потеряла сознание.

Когда она очнулась, в комнате было тихо, соседка куда-то с испуга убежала. На полу сидели дети. Семилетний сынишка Витя полотенцем стирал кровь с простреленной левой руки матери.

— Мама!.. Мамочка!..

Эти детские родные голоса придали ей силы. Быстро стянув полотенцем раненую руку, Зоя схватила ребят и перебежала задами на соседнюю улицу к давнишним знакомым Лобановым. Здесь ее положили на диван, сделали перевязку. А к ночи Зоя Александровна родила мертвого ребенка.

С трудом преодолевая головокружение, шатаясь от слабости и боли, Исаева на следующий день доплелась до своего дома. Не успела она оглядеться, как сюда опять нагрянули эсэсовцы с переводчиком. Они долго и грубо допрашивали раненую женщину, задавая одни и те же вопросы: «Где муж, где партизаны?» — и, наконец, повели в комендатуру.

— Сейчас мы покажем тебе человека, — заявил ей переводчик, — ты должна узнать его и назвать фамилию. А не назовешь — расстреляем.

— Ну, смотри у меня, — крепко и больно тряхнул ее переводчик. — Делай как приказано, а не то — расстрел..

— Расстреливайте! — негромко проговорила Зоя. — Ничего я не знаю.

— Иди!

Эсэсовец втолкнул ее в комнату, где она, к своему ужасу, увидела... Гурьянова. Он стоял откинув голову и широко расставив ноги. Одна нога Михаила Алексеевича была в валенке, другая обмотана мешковиной. Обе штанины разорваны. Руки связаны за спиной. А лицо... Вспухшее, окровавленное, оно не было похоже на лицо Алексеича. Только глаза его, когда он увидел Зою, засветились дружелюбием, нежностью, молчаливым призывом к стойкости.

— Ты знаешь этого человека? — раздался чей-то голос.

Зоя еще раз взглянула на председателя, которого знала много лет, и твердо ответила:

— Нет. И никогда не видела.

Гурьянов чуть заметно кивнул головой, как бы одобряя ответ Зои.

— Значит, не хочешь говорить? — Переводчик был взбешен. — Твой муж у нас в плену. Если не скажешь, мы расстреляем его, тебя и твоих детей.

«Яша... Дети...» — пронеслось в мозгу. Все закачалось перед глазами, и, падая на пол, она услышала собственный голос, прозвучавший будто издалека.

— Расстреливайте!..

Эсэсовцы выволокли ее из комнаты на улицу и бросили возле дома.

Заботливые руки соседок подняли Зою с земли и понесли прочь, подальше от этого страшного места.

В комнату коменданта стали вталкивать других жителей Угодского Завода. Один за другим подходили они к Гурьянову, печально и сочувственно вглядывались в его лицо и отрицательно качали головами:

— Нет, не признаю... Что-то не видели такого.. Не встречали...

— Следующий! — кричал переводчик — Следующий!..

В сенях и на улице больше никого не было. Тогда позвали одновременно двоих, притаившихся где-то в углу коридора. Помятые, напуганные и угодливые, в темных пальто и разношенных валенках, они остановились на пороге комнаты и низко

поклонились коменданту, которому уже давно продались и теперь «отрабатывали» немецкие пайки — хлеб и тушенку.

— Господин Панов, говорийть, этот? — спросил комендант, брезгливо оглядев невзрачную фигуру доносчика.

— Этот, так точно, — быстро ответил Панов. — Сам председатель Советской власти в Угодском Заводе.

— Фамилия?

— Гурьянов, Михаил Алексеевич.

— Так. А теперь вы, господин Меркулов. Узнаете?

— Как же не узнать. Он самый, председатель наш, Гурьянов.

— Гут. Можете удаляйтесь.

— Холуи!.. Гниды!.. Из какой щели вы выползли?

И равнодушно отвернулся.

...Комендант Ризер в ночь партизанского налета на Угодский Завод не был в селе. Он выезжал с очередным докладом к своему начальству. И все же настроение у Ризера, несмотря на счастливый случай спасения собственной персоны, было прескверное. Он понимал, что такая успешная боевая операция советских партизан бесследно пройти не может. И главное, одно за другим: очередная неудача с засылкой к партизанам присланного агента, о котором в секретном донесении прямо указывалось, что «направляется опытный, отлично зарекомендовавший себя, специально натренированный человек». И все же опять срыв! Опять провал! А потом — налет...

Ризер меньше всего думал о возможных изменениях на фронте. О нет, в успехе армий фюрера пока что он был уверен... Но начальство, начальство!..

Кое-что о взаимоотношениях и распрях среди высокого начальства было известно коменданту, и он ничуть не сомневался, что ночной катастрофой в Угодском Заводе не преминут воспользоваться те, кому хочется свалить «полководцев» и выслужиться перед фюрером. Подольют еще одну каплю яда. Может быть, сейчас икается самому Браухичу, хотя фюрер пока еще доверяет ему.

Еще хорошо, рассуждал Ризер, что схвачен партизан, может быть, один из активных участников налета. Русский богатырь. Сейчас на допросе о нем все станет известно. Надо только торопиться с получением показаний. А то припожалует следователь из штаба 4-й армии, из гестапо. Всем захочется поживиться лакомой добычей.

Нет, нет!.. Именно он, комендант Ризер, должен получить показания о партизанах, подготовить и доложить план полного их уничтожения.

...Ризер не поднял головы, когда в комнату ввели пленного, а продолжал сосредоточенно писать, полагая, что это лучший метод психологического давления перед предстоящим поединком. Однако затянувшееся молчание стало раздражать самого Ризера. Он посмотрел на Гурьянова и, к своему удивлению, не увидел на лице партизана ни страха, ни тревоги, ни любопытства. Михаил Алексеевич стоял со связанными руками посередине комнаты и мечтательно смотрел поверх его, Ризера, головы в окно, на облачное небо, на растущие возле дома сосны, на весь знакомый, родной пейзаж. В глазах пленного, в спокойном выражении его лица, во всей его фигуре, большой, высокой, крепко сколоченной, комендант учуял такую уверенность, такую выдержку, что его собственная выдержка, которой он всегда гордился и которую ставил в пример подчиненным офицерам комендатуры, мгновенно испарилась. Его охватила бешеная злоба и ненависть к стоявшему перед ним пленному, и он сразу же закричал — именно закричал, а не спросил:

— Где твой банда?

Гурьянов чуть усмехнулся и промолчал.

— Где твой банда? Я спрашивай, — еще громче закричал Ризер. — Большевик? Коммунист?

Гурьянов молчал.

— Не молчай, когда спрашивают офицер германский вермахт... Твой фамилий?

Ответа не последовало, и это окончательно взбесило Ризера. Он длинно выругался, выскочил из-за стола, схватил хлыст, лежавший рядом на стуле, и начал изо всех сил хлестать пленного — по лицу, по голове, по плечам, по всему телу. Ризер выкрикивал при этом немецкие ругательства, брызгал слюной, с каждым новым ударом приходя все в большую ярость и бешенство.

Наконец, комендант устал. Тяжело дыша, он отбросил в сторону хлыст и снова устоял на Гурьянова. Иссеченный, с вспухшим лицом, с почерневшим закрытым левым глазом, Михаил Алексеевич был неподвижен. Не отворачивая лица от ударов обезумевшего фашиста, он продолжал стоять спокойно, не сгибаясь, не опуская головы. Ответить? Обматерить этого фашистского гада? Нет! Ни слова, ни звука...

Гурьянов облизал языком изуродованные посиневшие губы и неожиданно выплюнул густую сукровицу прямо на китель коменданта. Тот невольно отскочил и схватился за пистолет. Но не выстрелил. И даже не закричал. Повторной вспышки ярости не последовало. Ризер понял, что он проиграл. Проиграл такой важный для него поединок уже в самом начале. Придется подумать о новом подходе к пленному на следующем допросе.

— Увести! — приказал комендант. Он отвел глаза, сутулясь, отошел к столу и стал тщательно счищать с мундира красное пятно плевка.

Может быть, сейчас, именно в эту минуту, эсэсовец Ризер впервые представил себе возможность проигрыша куда более страшного, чем тот, который постиг его при первой встрече с обреченным на смерть советским партизаном, коммунистом.

...Как отчетливо и ясно работает сознание. Детство, трудное, безрадостное детство. Отец — землекоп, потом кочегар, суровый, малоразговорчивый человек. Мать — бедная крестьянка, воспитанница приюта. А он сам, Мишка Гурьянов, в двенадцать лет — половой в чайной кулака Миронова, где ежедневно за скудную еду и гроши платил пятнадцатью часами тяжелого, изнурительного труда... Прошло не так уж много лет, а какой огромный путь он прошагал. Токарь на заводе «Проводник», сукновал на фабрике, председатель сельсовета, слушатель курсов советского строительства, председатель райисполкома. И кажется, всегда работал «справно». Порукой тому — любовь народа, доверие партии. Из года в год его избирали председателем, а на собраниях, где он выступал как кандидат в депутаты райсовета, каждый раз ему приходилось слышать: «Работай, Алексеич, тяни наше дело... Ты у нас председатель стоящий...»

Закреть

Угодский Завод! Последние годы связаны с этим районом. Много было здесь сделано и как много еще задумано.

Помешала война. Война!..

Гурьянов заворочался и глухо застонал. Тело иззябло и ныло. Сквозь забытие ему казалось, что кто-то входил, останавливался возле него, осторожно выходил обратно, но он даже не открывал глаз. И только когда его снова вызвали на допрос, он встал без посторонней помощи. Нет, он не согнется, ни жалобой, ни жестом не даст повода врагу для злорадства.

Следователь совсем не похож на Ризера. Разговаривает тихо, вежливо. Он начал с того, что посочувствовал Гурьянову и высказал сожаление, что не смог приехать к первому допросу.

Следователь еще молод. У него высокий гладкий лоб, редкие, разделенные прямым пробором волосы, тонкие, почти незаметные губы, внимательные голубые глаза. Когда он пишет или читает, то надевает большие роговые очки и чем-то напоминает учителя математики. Одет в темно-синий штатский костюм, над левым карманчиком — колодка разноцветных орденских ленточек.

Коротко и деловито следователь излагает пленному цель допроса. Он должен назвать себя, а потом рассказать: где партизаны? Сколько их? Кратчайший и точный маршрут на базу. С кем поддерживают связь здесь, в Угодском Заводе? В каких местах переходят линию фронта? С какими частями Красной Армии держат связь? Все!

В случае правильных ответов на поставленные вопросы — жизнь! На свободу его не выпустят, нет. Направят в лагерь. Но условия там создадут вполне приличные. «Свобода вам сейчас не нужна. Она, как бы вам сказать... — Следователь помолчал, подбирая нужное слово. Он превосходно говорил по-русски. — Она несколько скомпрометирует вас. Понятно? Все. Будете отвечать?»

Тон был вполне учтивый. Вопросы точные, поведение корректное.

— Отвечу... — после короткого молчания сказал Гурьянов и внимательно оглядел одним глазом щеголеватого немца. — Пишите!

Следователь придвинул к себе лист бумаги.

— Вы спрашиваете, где партизаны? Везде! Где вы, там и они. Разверните карту России, она у вас, наверное, есть, подчеркните те места, где вы пока еще находитесь, и знайте: там, где вы, там и партизаны, только на каждого фрица их сотни... вот так... Они подстерегают вас за углом, в лесу, на дороге... Везде.

Сколько их? Дайте время, попробую сосчитать. Только предупреждаю, считать придется очень долго. Вы можете не успеть, да скоро вы убедитесь в этом сами.

Как их найти? А зачем их искать? Они сами придут, когда надо будет. А уж коли вам так невтерпех, — Гурьянов кивнул на окно, в сторону леса, — войдите в лес и позовите. Придут. Обещаю вам.

С кем партизаны держат связь? Со всем народом. Неужели вы не понимаете, что партизаны — это народ?

Я ответил. Может, еще какие вопросы будут?

Михаил Алексеевич явно издевался, и следователь понял это. Однако он был не из тех, кого можно вывести из терпения. Пытливо, с возросшим интересом он посмотрел на пленного и спросил негромко:

— Скажите, Гурьянов, на что вы надеетесь?

Михаил Алексеевич пожал плечами и отвернулся.

На что он мог надеяться? Чудес на свете не бывает.

Единственное, что он знал, в чем был уверен твердо и бесповоротно, — это в том, что никакими силами, никакими пытками из него не вытянут ни одного слова, ни одного имени. И сознание, что будет именно так, а не иначе, рождало в нем большую человеческую гордость.

Сейчас, здесь, в короткие минуты очередного допроса, эта гордость словно переплеснула через край. Просто и спокойно глядя на врага, внимательно наблюдавшего за ним, Гурьянов попытался улыбнуться и даже пошутить.

— Зряшный разговор затеяли. Мне-то все равно, а вам нервы беречь надо. Пригодятся... в скором времени.

Как побелело лицо следвателя, как вздулась жила на его гладком лбу! Руки, до этого спокойно лежавшие на столе, сжались в кулаки. Еще мгновение... Но ничего не произошло. Следователь умел владеть собой. Он сделал знак двум конвоирам, находившимся все это время в углу кабинета, и сказал бесстрастно и сухо:

— Завтра вас повесят. А сегодня с вами еще поговорят.

И Михаил Алексеевич понял, что ему предстоит еще немало выдержать перед тем, как принять смерть от руки врага.

27 ноября 1941 года. Три часа дня.

Внизу, возле сожженного здания райисполкома стоят люди. У них бледные, скорбные лица. Женщины не скрывают слез.

Только что были прочитаны последние слова приказа фашистского командования. Гурьянов Михаил Алексеевич, бывший председатель Советской власти в Угодском Заводе, коммунист и участник налета на гарнизон «непобедимых» немецких войск, приговаривается к смертной казни через повешение. Труп его, в назидание и устрашение всем, будет висеть здесь, на балке, ровно семь суток.

Здание оцеплено эсэсовцами. А люди все идут и идут. Лица их суровы и хмуры. Вот над толпою чьи-то руки подняли ребенка, второго, третьего. Казалось, люди поднимали детей, словно требуя от них: «Смотрите, запоминайте...»

На площади тишина, тяжелая гнетущая тишина. Она пугает эсэсовцев. Солдаты крепче сжимают автоматы, теснятся друг к другу.

Глухой шум, словно всплеск огромной волны, внезапно всколыхнул толпу и мгновенно оборвался. На мостке, сооруженном под балконом, появился Гурьянов. Он еле держался на ногах. Сегодня палачи потрудились вовсю. Изломаны руки, обожжены ноги, исполосовано тело. Но не опущена голова, не согнуты плечи. Коммунист Михаил Гурьянов даже сейчас, с петлей на шее, грозен и страшен врагам.

— Прощайте, товарищи! — Голос Михаила Алексеевича прозвучал негромко, но все стоявшие на площади отчетливо услышали его. — Прощайте, друзья, не поминайте лихом. Гляньте-ка, они боятся нас, боятся! — Гурьянов показывал на фашистов. — Не склоняйте головы, Красная Армия скоро придет...

— Шнеллер! — закричал кто-то из офицеров, стараясь заглушить голос Гурьянова, и подал знак палачам.

По-прежнему в скорбном и грозном молчании стоят советские люди. Ощетинившись штыками винтовок и автоматами, внимательно наблюдают за толпой эсэсовцы. Ветер чуть раскачивает труп повешенного.

— Прощай, Гурьяныч... Товарищ Гурьянов...

Семь суток висел на железной балке труп Михаила Гурьянова. На восьмые сутки, пятого декабря, эсэсовцы обрезали веревки, труп сняли и бросили в яму. А вскоре стали поспешно упаковывать ящики и чемоданы.

Красная Армия перешла в решительное контрнаступление под Москвой. В районе Угодского Завода гитлеровцы оставили кладбище с многочисленными деревянными крестами, на котором похоронили своих солдат и офицеров, перебитых сводным партизанским отрядом несколько дней назад.

...
29 ноября 1941 года Совинформбюро лаконично сообщило итоги этой дерзкой операции:

«...24 ноября несколько партизанских отрядов под командованием товарищей Ж., К., П., В., объединившихся для совместных действий против оккупантов, совершили налет на крупный населенный пункт, в котором расположилось одно из войсковых соединений немецко-фашистской армии...»

Очень часто в Угодский Завод приезжают бывшие партизаны и бойцы отряда Жабо, чтобы отдать светлую дань памяти тех, кто в ноябре 1941 года громил здесь немецкий гарнизон, кто не щадя крови и жизни дрался за честь и свободу своей Родины. Приезжающие собираются у могилы Героя Советского Союза Михаила Алексеевича Гурьянова, у братской могилы, где установлен памятник из белого камня. Выразительны и величавы созданные скульптором фигуры воина и женщины.

«Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины», —

гласит надпись на лицевой стороне памятника. А позади, с той стороны, где зимою ветры наметают сугробы, а летом к камням тянется зелень, выделяется вторая надпись:

«Светлая память о них пусть будет вечно жить в сердцах благодарных потомков».

Родина!.. Это прекрасное слово звучало как боевой пароль советских людей в трудные годы войны. Оно и сегодня, сейчас зовет вчерашних бойцов на новые, уже трудовые подвиги, которым всегда есть место в жизни, если эта жизнь отдана Родине.

[Владимир Устюжанинов](#)

ПОМНИ ИМЯ ОТЦА СВОЕГО

(Воспоминания бывшего комиссара партизанского отряда)

Предыстория этого письма такова. Мой отец, Устюжанинов Андрей Николаевич был призван из города Москвы по Постановлению ЦК ВЛКСМ от 3.09.1941 года в специальные войска особой группы НКВД СССР, где после окончания специальной школы диверсионно-истребительных групп МУ НКВД был направлен в партизанский отряд, которым командовал Виктор

Александрович Карасев, в последствии ставший Героем Советского Союза, базирующийся в лесах Угодско-Заводского района Московской области. Комиссаром этого отряда являлся бывший председатель райисполкома Михаил Алексеевич Гурьянов.

Из опубликованного в газете "Правда" вечернего сообщения Совинформбюро от 29 ноября 1942 года.

...24 ноября партизанами разгромлен штаб немецкого корпуса. Отважные бойцы-партизаны перебили около 600 немцев, в том числе много офицеров, уничтожили склад с горючим, авторемонтную базу, 80 грузовых машин, 23 легковые машины, 4 танка, бронемашину, обоз с боеприпасами и несколько пулеметных точек. При подготовке этой операции разведкой отряда был разгромлен карательный отряд гестапо. Гитлеровцы потеряли при этом убитыми и ранеными около 40 солдат и офицеров.

Гестапо, занимающее каменное двухэтажное здание бывшего районного почтамта минировал и взорвал со всем его содержимым мой отец. За этот подвиг, он впервые был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

После выполнения задания партизанский отряд, преследуемый карателями, вынужден был с боями отходить к линии фронта. Несмотря на тяжелую контузию во время проведения партизанской операции, комиссар отряда Гурьянов шел со всеми в колонне, раненного в ногу командира отряда Карасева несли на носилках, у него стала развиваться гангрена. Не доходя до деревни Рыжково, партизанский отряд разделился на две группы. Отец остался в составе той, что выносила командира через линию фронта. Группа, в которой находился Гурьянов, попала в засаду пройдя лишь 20 километров от Угодского Завода. Гурьянов отстреливался до последнего патрона и тяжело раненный попал в плен. После серии бесчеловечных пыток, он был повешен на балконе здания райисполкома.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

"Выполняя Ваш приказ..."

Пятьдесят восемь лет назад в ночь с 23 на 24 ноября диверсионные группы отряда особого назначения под командованием капитана Владимира Жабо и бойцы Угодско-Заводского партизанского отряда Виктора Карасева совершили дерзкий налет на штаб 12-го фашистского корпуса в селе Угодский Завод.

Краткой была эта смелая операция. Но она вошла яркой страницей в историю подпольного партизанского движения.

Незадолго до операции Владимир Владиславович Жабо встретился с командующим Западным фронтом Г. К. Жуковым.

Вот как характеризует отважного командира Георгий Константинович: "...Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В. В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело. Как уроженец тех мест, где отряды предстояло действовать, я знал хорошо местность, где дислоцировались соединения 12-го корпуса противника, и дал ряд советов..."

Есть немало воспоминаний самих участников этой операции, но ограничимся одним документом - донесением капитана В. В. Жабо: "Командующему Западным фронтом генералу армии товарищу Жукову. Начальнику Управления

НКВД г. Москвы и Московской области майору Госбезопасности товарищу Журавлеву.

Срочное донесение.

Выполняя Ваш приказ от 19 ноября 1941 года, сводная группа, состоящая из четырех партизанских отрядов и полубатальона особого назначения Западного фронта... 20.XI.41 года в количестве 302 человек выступила на выполнение задания по уничтожению штаба войсковой соединения германской армии, дислоцированного в районном центре Московской области - Угодский Завод.

В район сосредоточения (1,5-2 километра севернее хутора Ясная

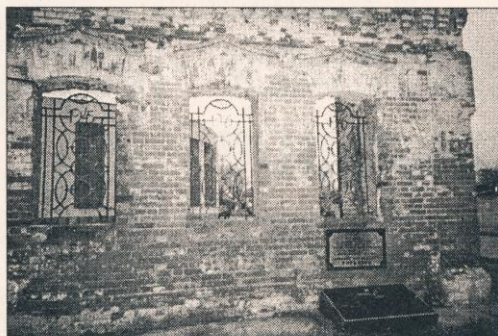
Поляна) группа прибыла 22.XI.41 года в 13.30.

Произведя тщательную разведку (дважды) было установлено расквартирование штаба и войсковых подразделений в Угодском Заводе...

В 2.00 24.XI.1941 года сводный отряд, разбитый на восемь групп, совершил нападение на объекты...

Наре. А вот Угодско-Заводский партизанский отряд оказался в сложном положении, особенно группа, с которой уходил Михаил Гурьянов.

При подходе к линии фронта у д. Рыжково группа попала в засаду карательного отряда. Гурьянов вступил в бой и сражался до последнего патрона, до последней

В результате проведенной операции... объекты были разгромлены и подожжены...

Часть отряда в количестве 90 человек находится в прилегающих деревнях Барсуки, В. Колодезь - 8-9 километров за линией фронта. Для вывода оставшихся направлены три группы в общем количестве 24 человека..."

Из многих документальных источников мы теперь знаем, что жабовцы без потерь благополучно перешли линию фронта по реке

кома, где он совсем недавно работал и в которое несколько дней назад первым ворвался в фашистский штаб.

Повешен истерзанный, но не сломленный. На казнь фашисты согнали жителей села. И сейчас еще есть очевидцы того страшного дня.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года:

"За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких захватчиков, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда".

Гурьянову Михаилу Алексеевичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН".

А память о героях осталась. Ее свято чтут жуковцы. Имя Михаила Гурьянова носят колхоз на берегах Нары, где он был депутатом, школьные отряды. И символично, что улицы Александра Курбатова и Владимира Жабо соединяет улица имени Михаила Гурьянова. Имена героев навсегда остались вместе, как и тогда, когда они плечом к плечу громили врага в период битвы за Москву.

В. НИКОЛАЕВ.

На снимках: М. А. Гурьянов (фото 1939 г.), место казни отважного комиссара в г. Жукове.

Обращение

В связи с трудным финансовым положением администрация города приглашает энтузиастов, которым небезразлично проведение досуга нашей молодежи, при наступлении благоприятных погодных условий для заливки катков в своих дворах.

Администрация г. Жукова.

Владимир Владиславович Жабо **родился в 1909 году**. из города Алчевска, выпускник пограничной кавалерийской школы. За отменное знание военных дисциплин был оставлен в ней же курсовым воспитателем. Он прекрасно справлялся со своими обязанностями, но карьера педагога его не устраивала. Владимир хотел служить на границе. Командование пошло ему на встречу и направило в Бахарденский погранотряд.

Жабо быстро освоился на новом месте. Маневренная группа под его руководством достигла высоких показателей в боевой и политической подготовке, о чем неоднократно говорилось в приказах командования. В первый же день Великой Отечественной войны капитан Жабо просил направить его в действующую армию. Рапорту дали ход и с 1 июля 1941 года пограничника назначили командиром 909-го стрелкового полка 247-й дивизии. На базе этой части были организованы отряды истребителей танков, пограничники со своими товарищами в боях за г. Сычëвка на Московском стратегическом направлении в период с 7 по 10 октября 1941 года уничтожили 43 бронемашинны врага.

Во второй половине октября 1941 года по указанию Командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова на базе резерва Военного Совета был сформирован специальный десантный батальон, преобразованный в Отряд Особого назначения Западного фронта (ООНЗФ). Командиром ООНЗФ был утверждён полковник С.И. Иовлев, заместителем по разведке – капитан В.В. Жабо. ООНЗФ состоял из 600 бойцов, был вооружен винтовками — «бесшумками» с приборами «беспламенно-бесшумной» стрельбы, «новым модернизированным оружием». Бойцы отряда были обучены приемам рукопашного боя, бесшумного снятия часовых, подрыва вражеской техники, умели применять в бою трофейное оружие.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Жуков также дал высокую оценку служебно-боевой деятельности пограничников: «Крупным партизанским отрядом, действовавшим в этом районе, был отряд под командованием В. В. Жабо. Кадровый офицер-пограничник, он отличался большим мужеством и храбростью. Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В. В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело. Как уроженец тех мест, где отряду предстояло действовать, я знал хорошо местность, где дислоцировались соединения 12-го корпуса противника, и даже дал ряд советов, как лучше выполнить поставленную задачу. Операция была успешно выполнена».

Курбатов Александр Михайлович (1907-1982) – ветеран Великой Отечественной войны, секретарь подпольного Угодско-заводского райкома КПСС, комиссара партизанского отряда (1941 г.), одного из создателей и первого директора городского музея, организатора военно-патриотического движения в г. Обнинске – присвоением ему почётного звания Почётный гражданин города Обнинска (посмертно) и установлением памятной доски на доме по пр.Ленина, д. 55, *Похоронен на кладбище «Кончаловские горы» в Обнинск.*

jobninsk.ru/aleksandr-mihailovich-kurbatov/

Текст памятной доски (проект).

В этом доме жил Курбатов Александр Михайлович (1907 – 1982) Почётный гражданин города Обнинска, ветеран Великой Отечественной войны, секретарь подпольного Угодско-заводского райкома КПСС, комиссар партизанского отряда во время немецко-фашистской оккупации 1941 года, первый директор городского музея, организатор военно-патриотического движения в Обнинске.

Селезнёв Дмитрий Михайлович 3 августа 1941 года был назначен на должность начальника управления тыла — заместителя командующего 43-й армией. С 22 августа по 2 сентября командовал 43-й армией. 10 октября был назначен на должность заместителя командующего Западного фронта. В этой должности Селезнёв принял участие в Вяземской операции.

С 20 октября командовал 17-й стрелковой дивизией. После тяжёлых оборонительных боёв на рубеже реки Нара дивизия в декабре перешла в наступление и 2 января 1942 года наряду с другими соединениями армии освободила Малоярославец. В ходе дальнейшего наступления дивизия освободила город Медынь, выйдя к реке Угра, где на западном берегу захватила плацдарм, овладев населёнными пунктами Бочаровы Прудки и Ольжно и перейдя к активной обороне. За эти бои Дмитрий Михайлович Селезнёв был награждён орденом Красного Знамени.

Виктор Карасёв родился 26 марта 1918 года в Ельце (ныне — Липецкая область). В 1934 г. он окончил школу фабрично-заводского ученичества, после чего работал помощником машиниста паровоза. В 1935 г. Карасёв был призван на службу в Пограничные войска НКВД СССР. В 1938 году он окончил школу погранвойск, в 1939 г. — Орджоникидзевское пограничное училище.

Начало Великой Отечественной войны встретил на границе, в течение 13 первых дней войны участвовал в боях в приграничных районах^[2].

С августа 1941 года Карасёв командовал истребительным батальоном, который уже в сентябре был преобразован в партизанский отряд. С октября 1941 года отряд Карасёва успешно действовал во вражеском тылу.

30 ноя. 1941 г. сводный отряд из 240 партизан (в состав которого вошли отряд Карасёва, Высокиничский партизанский отряд Д. Каверзнева и группа под командованием капитана Жабо) в районном центре Угодский Завод разгромил штаб 12-го армейского корпуса вермахта, захватив важные документы. В том бою Карасёв получил тяжёлое ранение, лишившись руки. После выписки из госпиталя он обучал диверсионные группы. Зимой 1942—1943 годов Карасёв сформировал диверсионную группу численностью 58 человек и возглавил её. В фев. 1943 г. она перешла линию фронта под Великими Луками и двинулась к городу Овручу Житомирской области Украинской ССР. За время похода группа выросла в партизанское соединение, насчитывавшее ок. 700 человек. Оно прошло с боями более 11 тысяч километров по Белорусской и Украинской ССР, Польше, Чехословакии, взяло в плен либо уничтожило более 600 солдат, офицеров противника и коллаборационистов, пустило под откос 56 эшелонов, уничтожило 61 паровоз, 429 вагонов, платформ и цистерн с топливом, 27 мостов, 8 учреждений и складов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу врага и проявленные при этом героизм и отвагу» Виктор Карасёв был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

8 - 15 июня 1944 года советское партизанское соединение им. Александра Невского под командованием майора В. А. Карасёва в составе объединённых польских и советских партизанских отрядов участвовало в сражении в Яновских лесах Люблинского воеводства^[3].

В феврале 1945 года соединение Карасёва встретилось с войсками 2-го Украинского фронта на территории Венгрии. После окончания войны Карасёв продолжил службу в

Советской Армии, окончил Военную академию имени Фрунзе. В 1950 году в звании подполковника он был уволен в запас. Проживал в Москве. Скончался 31 января 1991 года, похоронен на кладбище «Сосенки» в Ленинском районе Московской области.

К 49-й годовщине освобождения района от немецко-фашистских оккупантов

ОНИ ЛЮБИЛИ ЖИЗНЬ...

В фонды Государственного музея Маршала Советского Союза Г. К. Жукова поступили воспоминания ветерана Великой Отечественной войны, участника освобождения нашего края в составе 201-й воздушно-десантной бригады 5-го воздушно-десантного корпуса Валентина Марковны Митиной, ветерана труда, пенсионера, проживающей в г. Москве. Предлагаем вашему вниманию ее рассказ.

Когда на ближних подступах к Москве нависла непосредственная угроза столице, 17 октября 1941 года парашютисты-десантники 5-го воздушно-десантного корпуса командованцем полковником С. С. Гудырева, прикрывавшие отход главных сил на правый берег р. Зунд под г. Миценском Орловской области, были выведены из боя и направлены в район боевых действий на Подольско-Малоярославское направление по Варшавскому шоссе.

Из журнала боевых действий 5-го воздушно-десантного корпуса: «Первый эшелон десантников корпуса в количестве 70 вагонов со станции Чернь был отправлен по назначению в 17.00 17-го октября. В 10.30 18-го октября 1941 года он прибыл в город Подольск. Второй эшелон в составе 51 вагона прибыл в город Подольск с 18 на 19 октября 1941 года. В ночь с 18 на 19 октября 1941 года из Подольска десантники 201-й воздушно-десантной бригады им. С. М. Кирова, прибывшие в первых эшелонах, с боеприпасами и снаряжением были перебросены

цель», несмотря на превосходство сил, фашисты не могли вернуть. Не удалась и танковая атака, но ряды десантников редели, а противник подбрасывал все новые силы.

У десантников резервов не было, но они стойко держали оборону. Утром 20 октября, подняв новые силы, противник перешел в наступление против защитников рубежа, но оно было приостановлено. Однако после множества атак мотопехоты и танков противника к вечеру удалось возвратиться в д. Воробы.

Разведав местность, неся большие потери, 201-я воздушно-десантная бригада отошла на более выгодный рубеж обороны, севшая вместе с остатками бойцов 152 мотострелковой бригады Варшавское шоссе у деревни Бухловка на стыке шоссе и дороги, ведущей в д. Машково. Бомбила авиация, шли танки, били артиллерия и минометы, так продолжалось несколько дней и ночей на этом рубеже. От непрерывных разрывов бомб, снарядов и мин казалось, что донаются перепонки в ушах. Весь боевой участок,

стойкий огонь. Однако при приближении противника вновь оживили наши позиции. Встречные активный огнем и смелыми действиями десантников, вражеские солдаты залегли. Очередная атака противника была отбита с большими потерями для обеих сторон. Прорваться на левый берег р. Нары фашистам не удалось.

У линии фронта, где продолжался бой с просочившимися в глубь обороны фашистами, появились наши краснопольные самолеты, на небольшой высоте они шли вдоль Варшавского шоссе на г. Малоярославец, но, развернувшись, не долетая до Белоусова, начали бомбить в лесу северо-восточнее д. Воробы скопление вражеских танков, мотопехоту, боеприпасы, снаряжение и технику, потянувшие противником.

В течение 10 суток шли непрерывные ожесточенные кровопролитные бои у Нары по Варшавскому шоссе. До последнего патрона, до последней капли крови, до последнего дыхания, проявляя невиданный героизм и смекалку, находчивость, десантники сдерживали и отбивали натиск превосходящих сил противника.

Деревня Горки у р. Нары девять раз переходила из рук в руки. 25 октября 1941 года одна седьмая часть личного состава 152-й мотострелковой бригады (триста человек), уцелевшая после десятидневных боев с фашистами, была взята командованием 43-й Армии в 10-ю и 201-ю воздушно-десантные бригады 5-го корпуса.

Вечная ожесточенный отпор, смелые вылазки ударных групп десантников-подразынов, фашистские захватчики на этом рубеже в конце октября 1941 г. вы-

Виктор Александрович Карась встретил войну 22-летним лейтенантом мпограничником на реке Буг.

Вскоре был переброшен на территорию Подмоськовья и назначен командиром Угдско - Заводского партизанского отряда.

Принимал активное участие в Угдско - Заводской операции и разгроме фашистского штаба 24 ноября 1941 года.

Виктор Александрович прошел всю войну. При освобождении Польши от немецко-фашистских захватчиков был удостоен звания Героя Советского Союза.

На снимке: В. А. Карась.

С. Троичев

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Получив диплом лечебного фельдшера, Тамара Карась в конце июня 1941 года была направлена в Троицкую врачебную амбулаторию. Здесь находилась врач, акушерка, медсестра, родильное отделение на три места. Недалеко от дома (она училась и жила в Серпухове) - красные места — на-

кончилась. Дивизия под командованием Героя Советского Союза М. А. Засибалова не пропустила к Серпухову немцев, а 17 декабря наши войска с помощью артиллерийского и минометного обстрела позиций противника заняли опорный пункт Малеево. Дивизия пере-

Мой прадедущка - **Владимир Самсонович Накаидзе** - участник Великой Отечественной войны. Родился 16.04.1912 г. в Грузии в селе Земонатанеби.

В 1936 г. окончил Тбилисскую объединенную закавказскую военную пехотную школу. В действующей армии с декабря 1941 г. — командир отдельного стрелкового батальона 17-й стрелковой дивизии. Войну закончил в должности командира 23-го гвардейского воздушно десантного стрелкового полка 9-й гвардейской воздушно десантной дивизии. Участвовал в обороне Москвы, в Курском сражении, освобождал Сталинград, Полтаву, Киев, Румынию, Чехословакию.

Награжден **орденами**: Боевого красного знамени, Александра Невского, 2 орденами Красной Звезды, Отечественной войны.

Медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Праги», «За освобождение Варшавы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Москвы»,

«За оборону Киева», «За взятие Будапешта», юбилейными медалями.

За освобождение г. Полтава в 60-е годы присвоено звание почётного гражданина г. Полтава. В ходе Великой Отечественной войны он получил 11 ранений, вследствие которых стал инвалидом первой группы.

Я очень горжусь своим прадедущкой!!!

Автор: Накаидзе Олег, ученик 5 класса МОУ СШ № 93 г. Волгограда.

Партизаны-проводники: Я. Исаев и И. Токарев. 1942 г.

Актив Рышковского колхоза в довоенный период:

Верхний ряд: Воронов Михаил Григорьевич – председатель колхоза «Заветы Ильича», Зенкина Евдокия, Гуськов – председатель сельсовета, Панфёрова Марфа, Епифанов Михаил. Нижний ряд: Соколов? Толя, Щёголев Петр Алексеевич – секретарь сельсовета, **Агеева Нина Васильевна** руководитель партийно ячейки, Васильев Иван Лаврович, Щёголев Виктор Алексеевич. Фото 1930 г.

Из оперативной сводки штаба 17-й сд – о бое под Рыжково

17 ноября 1941 г. К 6.00

Булычево

1. Перед фронтом дивизии действуют части 34-й пд противника (107,253,80-й пп). Противник занимает Тунаево, Марьино, Леоново, Мельхово, Буриново. Активных разведывательных действий противник не предпринимает, ограничиваясь обстрелом Стремиллово, Чубарово, Бегицево минометным и артогнем из района Леоново.

2.16.11.41 г. дивизионной разведкой уничтожен взвод противника в районе Рыжково. Противник потерял 18 убитыми, в том числе одного офицера, и 13 раненых. Разведкой доставлена часть документов, найденных у убитых. На обратном пути следования разведкой обнаружен в лесу подбитый и обгоревший один наш самолет. Остатки самолета уничтожены, убитый и обгоревший летчик похоронен. Документы летчика доставлены в штадив. Части дивизии ведут разведку в направлении Марково, Мельхово, Маринки, Рыжково, Буриново...

Начальник штаба 17-й сд

майор Масленников

Комиссар штаба 17-й сд

старший политрук Землянский

ПНО-1

капитан Гревцев

(к. 11)

ЛитМир - Электронная Библиотека > Антонова Людмила

Викторовна > Московская великая битва - оборона. Часть 1 > Стр.11

ПЫТАВШИЕСЯ НАС ЗАВОЕВАТЬ:

Ханс Гюнтер Адольф Фердинанд фон Ключе (*нем.* *Hans Günther Adolf Ferdinand von Kluge*, [30 октября 1882](#), Позен, [Германская империя](#), ныне [Познань](#), [Польша](#) — [19 августа 1944](#), около Клермон-на-Аргон, Франция) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). Вскоре после провала [заговора против Гитлера](#) покончил с собой (по другой версии — арестован и убит с инсценировкой самоубийства).

34 пд История существования

Образована [1 апреля 1936 года](#) в ходе первой волны мобилизации. Базировалась в [Кобленце](#), который принадлежал XII военному округу. Принимала участие во Французской операции, оккупируя [Саар](#). В июне [1941 года](#) в составе [группы армий «Центр»](#) участвовала в вторжении в СССР, воевала на территории Советского Союза в течение трёх лет. В ходе [Днепровско-Карпатской операции](#) близ [Горного Тикича](#) понесла тяжёлые потери, что привело к эвакуации дивизии с Восточного фронта. В июле 1944 года была переброшена в Италию, где капитулировала в апреле 1945 года.

18 октября 1941 — 5 сентября 1942. **Генерал-лейтенант Фридрих Фюрст.**

Структура дивизии в ходе Второй мировой с 1939 по 1944

1939 - 1942

- 80-й пехотный полк
- 107-й пехотный полк
- 253-й пехотный полк
- 34-й артиллерийский полк
- 34-й сапёрный батальон
- 34-й противотанковый батальон
- 34-й батальон связи
- 34-й разведывательный батальон
- 34-й батальон АИР
- 34-й запасной батальон

Награждённые Рыцарским крестом Железного креста

Вальтер Хёрнляйн, [30.07.1941](#) — полковник, командир 80-го пехотного полка

2 янв. 1893. Бютен в Карштедте, великое герцогство Мекленбург-Шверин - 14 сентября 1961 (68 лет) Кёльн-Мерхайм, ФРГ.

С августа 1941 года — командир пехотного полка «Великая Германия»

Фриц граф фон Оберндорф, [25.08.1941](#) — майор резерва, командир 34-го развед. батальона

Вильгельм Брюкнер, [05.10.1941](#) — унтер-офицер, командир орудия 14-й (противотанковой) роты 253-го пехотного полка

Ганс Белендорф, [11.10.1941](#) — генерал-лейтенант, командир 34-й пехотной дивизии

Вильгельм Хюммерих, [18.10.1941](#) — лейтенант резерва, командир взвода 14-й (противотанковой) роты 80-го пехотного полка

Фридрих Хохбаум, [22.08.1943](#) — генерал-лейтенант, командир 34-й пехотной дивизии

Герман Хартманн, [31.08.1943](#) — фельдфебель, командир взвода 3-й роты 34-го сапёрного батальона

Каспар Харшайдт, [31.08.1943](#) — фанен-юнкер-обер-фельдфебель, командир взвода 3-й роты 253-го гренадерского полка

Фердинанд Хиппель, [22.10.1943](#) — полковник, командир 253-го гренадерского полка

Фридрих Глазер, [02.11.1943](#) — обер-ефрейтор, наводчик 14-й (противотанковой) роты 253-го гренадерского полка

Вернер Шраут, 03.12.1943 — обер-лейтенант, командир 1-й роты 80-го гренадерского полка

Готтлоб Шилль, 28.12.1943 — обер-ефрейтор, наводчик 14-й (противотанковой) роты 107-го гренадерского полка

Иоганн Пфайль, 29.02.1944 — капитан, командир 1-го батальона 80-го гренадерского полка

Курт Зункель, 14.05.1944 — обер-лейтенант резерва, командир 3-й роты 107-го гренадерского полка

Ойген Штайгельманн, 09.06.1944 — фельдфебель, командир взвода 8-й роты 80-го гренадерского полка

Вилли Циммерманн, 23.10.1944 — фельдфебель, командир взвода 6-й роты 80-го гренадерского полка

Рыцарский Крест Железного креста с Дубовыми листьями

Фридрих Хохбаум (№ 486), 04.06.1944 — генерал-лейтенант, командир 34-й пехотной дивизии

7 авг. 1894 Магдебург, провинция Саксония, королевство Пруссия, 28 янв 1955 (60 лет) лагерь военнопленных, Ивановская область, СССР

С 22 июня 1941 года — участвовал в германо-советской войне. Бои в Белоруссии, награждён планками к Железным крестам обеих степеней (повторное награждение).

С августа 1940 года — **командир 253-го пехотного полка**. С декабря 1940 года — полковник.

В апр. 1942 г. — награждён Золотым немецким крестом. С ноя. 1942 г. — командир 34-й пехотной дивизии (в районе Юхнова). С декабря 1942 года — генерал-майор.

С июля 1943 года — генерал-лейтенант. В августе 1943 года — награждён Рыцарским крестом Железного креста (за бои в районе Брянска).

В июне 1944 г. — награждён Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, назначен командующим 18-м горным корпусом (в районе Мурманска). С сен.1944 г. — в звании генерала пехоты. 9 мая 1945 года — взят в советский плен в Восточной Пруссии на косе Фрише Нерунг.

RBP

Клюге Гюнтер фон. 4А

Мартин Гарайс. 98пд

Фридрих Фюрст. 34пд

Поискового школьного отряда, за работу проведенную на
слете поисковых отрядов 4-6 июня 1982г.

Ответственный за работу отряда
зам. секретаря комитета ВЛКСМ ИНИЭВТ
ГЫБИН В.

У жителя д. Рыжково тов. Панферова было выяснено, что самолетов было
сбито 2 (причем оба до прихода немцев в деревню) ориентировочно сентябрь
1941 года.

Была осмотрена первой группой партизанская землянка (руководитель
партизанского движения Серпуховского и Жуковского (ныне) района-Гурьянов
есть музей партизанского движения в Тарутино.

Беседовали с КАРПОВЫМ ПЕТРОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ. Он уточнил, что действительно
было 2 самолета и оба до немцев. Из рассказа удалось установить, что один
самолет был одноместный, а второй с экипажем. Первый самолет был одно-
местный (летчик посадил его сам) и т.к. его в кабине не оказалось, а он
был посажен на шоссе и рядом с ним останков погибшего не было, причем
все это ~~уже~~ происходило в сентябре (ориентировочно), т.е. предположение,
что он остался жив и был подобран частями Советской Армии, отходившей к
к рубежам обороны. Второй самолет (с экипажем) был подбит и по всей вероят-
ности тонул до линии фронта, один человек выбросился с парашюта повис
на дереве и был встречен советскими солдатами, которые проводили летчика
в часть (штаб). Второй член экипажа остался вероятно недалеко от самолета,
парашют видно не раскрылся, либо еще что-нибудь. Но Карпов подходил к
нему и даже брал его за руку. Документы у него не забрали, потому что не
догадались, т.е. тогда было 10 лет. За документами летчика никто не вернул-
ся наверно подумали, что второй член экипажа взорвался вместе с ним.

Территориально первый самолет располагался недалеко от дома Карпова
(четвертый дом с начала деревни, по тропинке между полей на 2 шага 1.5 км)
Второй самолет 26 км., а затем в лесу 300 м). Второй самолет вероятно был
штурмовиком.

КАРПОВА ТАИСИЯ ГАВРИЛОВНА (двокродная сестра Карпова П.Г.) уточнила
дату захвата д. Рыжково немцами: 21 октября и освобождения 23 декабря до ро-
ждества (25 декабря), т.к. немцы так и не отпраздничали рождество в
Рыжково. О самолетах ничего не помнит (после операции). Она дала адрес
ЗНАМЕНИНА ПЕТРА МАТВЕЕВИЧА, который первым обнаружил самолет. С ним
связаться не удалось лежит в больнице (инфаркт)

АДРЕС ЗНАМЕНИНА П.М.

Балужская обл.,
Жуковский р-он,
п/о Курилово,
село Рыжково,

Школьники посетили землянку штаба партизанского движения и найдена
противотанковая мина (немецкая). Была посещена Куриловская средняя школа
и проведена беседа с директором школы МАТЧИНЫМ ВИКТОРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ.
Музея в школе пока нет, т.к. школа функционирует с 1978 г., но уже есть
материал. Встречи со школьниками Куриловской школы не состоялись.

В 1950-х гг. автору довелось видеть в лесу кабину сбитого советского самолёта. Она лежала на тропинке, по которой обычно ходили из Рышкова в лес за брусникой. Борис Панков рассказывал, что, будучи маленьким, он оставался спать в этой кабине, пока его матушка, вместе с другими женщинами собирали ягоды.

Самолёт, упавший на краю леса, перевозил посуду для солдат. В одном из ящичков были чайные алюминиевые ложки. Рышковцы их собрали. Одну из таких ложек автору подарила Васильева Анна Ивановна.

Штыки, найденные в рышковской земле.

АДМИНИСТРАЦИЯ

Муниципального района

«Жуковский район»

Калужской области

249191 Россия Калужская область

г. Жуков ул. Гурьянова, 31

тел. (48432) 5-61-65

факс (48432) 5-61-45

org.admzhukov@gmail.com

№ 04-12/301

от 24.07.2014г.

**Фонареву
Евгению Николаевичу**

г. Серпухов-15, ул. Гагарина, 1 кв.43.

Уважаемый Евгений Николаевич!

Администрация МР «Жуковский район» внимательно рассмотрела Ваше обращение по вопросу обустройства партизанской землянки в лесу вблизи деревни Рыжково СП село Тарутино и сообщает:

Совместно с Вами, заместитель Главы администрации Т.Д. Калинкина, глава администрации СП село Тарутино Е.А. Смиркина побывали на месте расположения данного объекта. Да, действительно на сегодняшний день данная землянка представляет собой разрушенное состояние: плиты перекрытия обвалились, стены состоящие из аналогичных плит повело.

Чтобы провести ремонтные работы необходимо наличие техники, а именно автокрана.

Подъезда к данному объекту нет, бывшая лесная дорога заросла и завалена буреломом. Произвести очистку бывшей дороги не предоставляется возможным ввиду большого объема работ и отсутствия денежных средств в бюджетах района и поселения.

В свою очередь, хочется выразить Вам слова благодарности и признательности за то, что вы не остаетесь в стороне, а свято чтите память о Великой Отечественной войне.

В настоящее время на территории района располагаются 49 воинских захоронений, в которых захоронены тысячи бойцов и офицеров Красной Армии и я вижу главной задачей в связи с празднованием 70-летия Победы в ВОВ привести данные объекты в нормативное состояние и поддерживаю поисковые движения,

которые занимаются увековечиванием памяти погибших, каждый год на территории района появляются новые воинские захоронения.

Главе администрации СП село Тарутино Смиркиной Е.А. дано поручение проработать вопрос с собственниками данного лесного массива на предмет оказания помощи в очистке лесной дороги.

Глава администрации
МР «Жуковский район»

А.В. Суярко

На сегодняшний день с патриотизмом у нас напряженка. Свидетельство тому обращение Е.Н. Фонарева в администрацию в/ч по поводу восстановления партизанской землянки. Читайте. Ответ один - нет денег. Об этой злободневной проблеме писал ещё князь П. Долгоруков:

В России денег нет!
Смело каждый готов произнестъ.
Нет у нас денег на дело -
На безобразие есть!

ХРОНОЛОГИЯ. 1941 год.

22 октября.

НЕМЦЫ

34 пех. Див. заняла Тарутино– Корсаково – Рышково –Ченцово (15 км)

18.8.1941-5.7.1942. **Фридрих Фюрст**, ген.-лейт.

80 пп, 107 пп, 253 пп

34 арт. полк. В Маринках (дом Самойлова) штаб. Пушки на окраинах дд Маринки, Курилово

Штаб в д. Границево в больнице.

На Варшавском шоссе – река Истья

98 пех див. 10.6.1940–31.12.1941. **Эрих Шрок**, ген. 31.12.1941–1.2 1944. **Мартин Гарайс**

(282 пп, 289 пп, 290 пп, 198 арт полк капит. Кинлин)

19 танк. див. (что осталось от 57 мотор корп)

23 октября.

НАШИ. 201 воз дес бриг и 9 тан бр на Варшавском шоссе.

В дд Иннино и Ольхово 10 воз дес бриг

В Каменке КП 4

21 октября.

Из воспоминаний А.И. Васильевой: «Первые немцы на мотоциклах доехали до дома Соколовых. Дальше пошли пешком с автоматами наперевес по домам, – вспоминает Анна Ивановна Васильева. Приглядывались к людям с тёмными волосами. Искали партизан, коммунистов, евреев, цыган.

Председатель колхоза Агеева Н.В. и председатель сельсовета Панков В.И., коммунисты, прятались у соседей. Рышковская ячейка состояла из трёх коммунистов и одного кандидата.

Немцы в домах практически не стояли, а сидели в блиндажах по оврагам с обеих сторон села.

В доме Щёголевых стояли четыре человека – расчет пушки, которая находилась на холме Далматовке (ныне карьер). По национальности это были не немцы и к хозяевам относились нормально, однако, не ко всем. Так немцы сожгли дом бывшего председателя колхоза Воронова М.Г., который находился за речкой в «Низу». К населению относились спокойно, но приговаривали: «Москва – капут».

29-30 (в конце) октября всех жителей согнали сначала в общую баню в Рышкове, что была у дома Панфёровых, потом в Курилово в коровник, а после в Тарутино к памятнику. Затем отсортировали молодых (рабочую силу), которых, как они говорили, отправят на рытьё окопов. Затем погнали в Угодку, Малоярославец, Фатеево, Сапорово, где их потом отбили советские солдаты в белых халатах.

В доме Васильевых стоял немец – офицер по имени Альфред.

В доме Авериных, самом большом в селе Рышково, разместился штаб.

30-31 (в конце) октября разведбатальон под командованием капитана Накаидзе (1314 сп) выбил немцев из Рышково.

Из воспоминаний А.М. Курбатова:

«Мы проводили активную разведку обороны противника на участке Тарутино—Ченцово (15 километров, линия на реке Нара). С помощью подпольщиков партизанские разведчики установили наличие и расположение огневых средств врага, пункты наибольшего сосредоточения войск, места, где обосновались штабы.

Нередко командование 17-й стрелковой дивизии и 43-й армии обрушивали огневые удары на противника, используя наши данные. В конце октября партизаны скрытно провели лесами батальон под командованием капитана Накаидзе к деревне Рыжково. Сведения о численности и действиях немцев в деревне дал бригадир колхоза «Новый путь» Лупов. Неожиданным ударом наши войска выбили фашистов из Рыжково, захватили пленных.

В Угодском-Заводе отряд имел связь с патриотами, которые уведомляли нас о численности противника и его действиях. Через них отряд информировал население о положении на фронтах. ... Расширение связи с населением затруднялось, а с середины ноября жители этих деревень были эвакуированы немцами в тыл на 30 км» (Носков, Тараданкин, 1980. С.91).

Среди эвакуированных была и моя бабушка Прасковья Михайловна Щёголева, их отбили у Малоярославца.

Говорит Панков, председатель Рыжковского сельисполкома: «В Рышкове был самый фронт. У нас все разрушено. Школа, клуб колхоза «Красная заря» разбиты. Сейчас оборудуем медпункт. Осмотрели школы. Местность, все дома заминированы. Нужно звать саперов. Занимаемся размещением населения, сбором семян, ремонтом хозяйственного инвентаря» (Носков, Тараданкин, 1980. С.47).

В районе Бурино-Рыжково с 23 октября по 20 ноября из вражеского тыла вышло более тысячи бойцов и командиров Советской Армии. Партизаны помогли им перейти через линию фронта, чтобы затем влиться в ряды действующей армии (Брыляков, 1985. С.55).

Из воспоминаний А.И. Васильевой. «После ухода немцев ветеринарный врач Назарчук Михаил Иванович, ранее работавший в Тарутино, нашел семерых погибших наших воинов. Двоих он обнаружил около леса на Глиницу. Один солдат лежал с пробитой каской, а в руках второго был бинт, которым он, вероятно, перевязать рану товарищу, но оба были убиты. Все бойцы были похоронены на Рышковском кладбище. Помогала Михаилу Ивановичу санитарка Поля Галкина. В карманах некоторых солдат были жетоны. По адресам сообщили, но никто не приехал. То есть, имена солдат должны быть известны. Ещё тело солдата было найдено у Капустника под Козловкой. Его похоронила тётя Саша, монашка». Ныне за могилой ухаживает Ю.А. Богданов.

В окрестностях до сего дня можно найти разорванные артиллерийские снаряды и множество патронов и гильз от стрелкового оружия. При обстрелах пострадали и люди, и дома. На некоторых из них до сих пор остались следы.

За смелые действия в тылу врага медалью «За боевые заслуги» была награждена подпольщица Агеева Нина Васильевна (1904-1976 гг.) (Носков, Тараданкин, 1980. С.71).

Похоронена на Рышковском кладбище.

1 ноября 1941 года *части немецкой 263 пехотной дивизии 12 армейского корпуса заняли Леоново.*

12 ак: 463 пп 263 пд – на линии Рыжково – Бегичево – Леоново. Штаб 4А радиogramма № 62 штабу группы армии «Центр».

2 ноября 15 пехотная дивизия сменяет 1/3 263 пд. (из суточного донесения германской группы армии «Центр») (Битва..., 2002. С.473,475,482).

Против германской 15 пехотной дивизии выступали 17-я и 53-я стрелковые дивизии. «17-я стрелковая дивизия была сформирована 9 июля 1941 года в Москворецком районе Москвы как дивизия народного ополчения. В годы войны дивизия получила наименование Бобруйской, была награждена орденом Красного Знамени и прошла боевой путь от Стремилова до Восточной Пруссии. 20-25 октября 1941 года после тяжелых оборонительных боев дивизия закрепились на рубеже Нары на участке села Стремилова и деревень Бегичево и Высоково» (Криворучко М.Г., 1986. С.113-115).

В начале 1941 года газета «Красное Знамя» сообщала: «В октябре 1941 немцы заняли с. Леоново. Среди колхозников, оказавшихся в плену было много детей. В особенности смело действовали трое ребят: Володя Горбачев, 16 лет, 14 лет Ваня, работавший в Леонове пастухом и Володя Булычев, 11 лет. Трое юных разведчиков скоро завели связь с нашими разведчиками и стали им сообщать все замеченное. Найденные винтовки, пулеметы, ленты они прятали, а потом приносили красноармейцам».

В октябре 1941 г. в Лопасне был создан партизанский отряд во главе с заместителем председателя горисполкома Петром Яковлевичем Леоновым, который выполнял задания штаба 17-й стрелковой дивизии.

Подпольная группа, руководимая Полиной Леоновой, создала явочные квартиры и снабжала подпольщиков паспортами, доставала продукты. Она поддерживала связь с партизанским отрядом Угодского-Завода.

12 ноября. 22 тбр, переданная в состав 43-й армии, заняла оборону танбатов в районе СТРЕМЛОВО, мсб – в районе ВЫСОКОЕ (с.575).

В полосе 12ак во второй половине дня противник провёл севернее КУЗОВЛЕВО безуспешную разведывательную атаку силой до роты (с. 585)

13 ноября. Положение частей 5-й, 33-й и 43-й армий без изменений. На фронте поиски разведчиков с обеих сторон (с. 588).

14 ноября. 12 ак. На правом участке корпуса активизировались действия разведки противника. Разведывательная атака силами одной роты в центре полосы корпуса была отбита. Отражена также слабая атака в направлении КУЗОВЛЕВО.

Разведотряд 15 пд вышел к району СИДОРЕНКИ и отсюда поддерживал огнём наступление разведотряда 17 пд на район ТЕРЕХУНКА.

По сравнению с предыдущими днями усилены действия вражеской артиллерии. В основном противник обстреливал населённые пункты. Кроме того по центральному участку сегодня было осуществлено 150 залпов ракетными установками. (с.595)

14 ноября. 33-й и 43-й армии закрепились на занимаемых рубежах. На фронте артминомётная перестрелка и поиски разведчиков. (с. 597)

14 ноября. 12 ак. Обстановка прежняя. На фронте ак было уничтожено 29 русских танков при 2 собственных потерях.

15. 11. ожидается наступление впервые отмеченное 412-й стрелковой дивизии, возможно при поддержке танковых сил. (с.609)

15 ноября.

Извлечение из оперативной сводки №262 Генерального штаба *Красной армии* на 15.11.41: «43-я армия частью сил в 11.00 **14 ноября** нанесла внезапный удар по противнику и овладела районами ИЛЬИНО, ЛЕОНОВО, ТУНАЕВО.

93 сд в 16.30 14 ноября вышла на линию боевого охранения, где была остановлена сильным огнём из дзота противника.

53 сд, нанеся противнику поражение, овладела южной окраиной ИЛЬИНО и южной опушкой роши (200 м севернее района ТЕТЕРИНКА).

17 сд с 26 тбр овладела районом ЛЕОНОВО – ТУНАЕВО; потери и трофеи подсчитываются. Огнем налётом по району ГОРКИ подавлена артбатарея и уничтожено до роты пехоты противника» (Битва..., 2002. С.612).

Сражение на участке Агафьино-Леоново.

15 ноября 1941 *Группы армии «Центр»*: Суточное оперативное донесение Штаб 4-й армии докладывает:

«**12 ак**: К югу от р. Нара противник активно проводил разведку в бреши между 12-м и 13-м корпусами.

К северу от р. Нара противник, прорвавшийся 14.11 западнее ЛЕОНОВО, контратакой был отброшен. Полк **34 пд**, повергшийся атакам пехоты и танков южнее ЛЕОНОВО, после потери всего противотанкового оружия отошёл к р. НАРА в 1,5 км северо-восточнее РЫЖКОВО. Чтобы ликвидировать разрыв в обороне, с наступлением темноты подразделения, нацеленные на ЛЕОНОВО, также отведены на рубеж к западу от населённого пункта. На этом участке противник усилился в плане артиллерии, в действие также вступали ракетные установки. На северном участке были отражены разведывательные атаки до 2 рот. Действия артиллерии здесь были незначительными» (Битва..., 2002. С.625).

Итак, по немецким данным, линия, занимаемая 12 ак, проходила: РЫЖКОВО – 1 км западнее ЛЕОНОВО – 2 км южнее ИЛЬИНО – восточнее ИЛЬИНО по-прежнему.

«**15 ноября** две роты полковника С.П. Волкова при поддержке артиллерии и танков пошли в наступление в районе селений Леонова и Тунаева. Бойцы ворвались в Леоново, забросали гранатами окна каменного здания школы, в котором укрепился враг. Захватив орудие, минометы, пулеметы, винтовки, роты вернулись...

На следующий день разведчики во главе со старшим лейтенантом С.И. Кудиновичем и младшим лейтенантом И. Ягорцевым зашли в тыл противника для наблюдения. Возвращаясь они были обнаружены. В перестрелке был убит сержант Л. Марченко. Враги наседали. Решили пробиваться двумя группами. Ягорцев с одним бойцом прикрывал отход. Кудинович зашел в тыл немецкому пулемётному расчету и забросал его гранатами. Разведчики убили 31 и ранили 11 немцев. Тело погибшего товарища покоится в братской могиле в селце Муковнине» (*Криворучко М.Г.*, 1986. С.77).

16 ноября по оперативной сводке №263 Генерального штаба *Красной армии* части 53 сд 43-й армии в результате контратаки противника оставили ЛЕОНОВО, ТУНАЕВО и отошли в исходное положение.

На эту же дату штаб **4-й немецкой армии** докладывает: «16.11 русские с прежней силой продолжали атаковать на фронте **13 ак**. В условиях прохождения линии фронта в не просматриваемой лесной местности, в связи с недостатком сил и низкой боевой численностью при растянутости участков возможна лишь групповая оборона. Поэтому местами противнику удавалось вклиниться в нашу оборонительную систему. В результате контратак и завязавшихся кровопролитных боёв противник был отброшен. Однако наши войска понесли большие потери. Поэтому на южном фланге армии создавалась напряжённая обстановка, что заставило повернуть намеченные для наступления части 12 ак (1 усил. пехотный полк 15 пд), 57 ак (2/3 263 пд, 73-й стр. полк 19 тд) и ввести в бой 268 пд, не в полосе 12 ак, как намечалось, а в полосе 13 ак. При таких обстоятельствах пока невозможно возобновить наступление южнее р. Москва».

«12 ак: За исключением разведывательной атаки силой до роты и обычных поисков разведчиков противник никаких действий не предпринимал. Несколько оживились действия артиллерии, в т.ч. и ракетной. Пока разведка не обнаружила противника между р. НАРА и БУРИНОВО. Массированными огневыми налётами обнаруженные перед фронтом корпуса скопления противника были разгромлены».

16 ноября: «В полосе 12 ак незначительные действия артиллерии. В результате атаки разведотряда 34 пд, усиленного одним батальоном, наши позиции выдвинуты вперёд до 3 км восточнее района ДЕДНЯ. Разведка не обнаружила противника в лесной местности, северо-восточнее РЫЖКОВО и в районе ЛЕОНОВО и южнее».

12 ак.

За исключением разведывательной атаки силой до роты и обычных поисков разведчиков противник никаких действий не предпринимал. Несколько оживились действия артиллерии в т.ч. ракетной. Пока разведка не обнаружила противника между р. НАРА и БУРИНОВО. Массированными огненными налётами, обнаруженные перед фронтом скопления сил противника были разгромлены (с. 639).

1/3 98 пд в районе юго-восточнее ТАРУТИНО.

13 ак.

Передний край до бреши бго-западнее БУРИНОВО – без изменений

Часть сил боевой группы «Шмидт» 3 км восточнее района БОР.

Разведотряд 263 пд под МАКАРОВО.

Части 17 пд 3 км юго-восточнее района ПОКРОВ.

Передний край без изменений (с. 640).

17 ноября.

43-я армия продолжала укреплять свои рубежи. На фронте артиллерийский и миномётный огни с обеих сторон (с. 644).

13 ак. записать

12 ак.

Незначительные действия артиллерии. В результате атаки разведотряда 34 пд, усиленного одним батальоном наши позиции выдвинуты вперёд на 3 км. восточнее района ДЕДНЯ. Разведка не обнаружила противника в лесной местности северо-восточнее РЫЖКОВО и в районе ЛЕОНОВО и южнее (с. 656).

2). 13 ак.

12 ак. 34 пд: излучина р. НАРА северо-восточнее РЫЖКОВО – западная окраина ЛЕОНОВО – ИЛЬИНО. . В остальном без изменений (с. 657).

«СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ. ПРИКАЗ.

От 17 ноября 1941 года № 428

О СОЗДАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОМАНД ПО РАЗРУШЕНИЮ И СЖИГАНИЮ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ТЫЛУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК. Г. Москва

Это был приказ, исполнять, который не хотел никто, ни солдаты, ни генералы.

У нас была сожжена д. **Чаплино**, потому что посыльный опоздал с отменой этого приказа.

18 ноября.

43-я армия продолжала занимать прежние позиции (с. 661).

13 ак

12 ак. Действия разведгрупп и слабый артиллерийский огонь (с. 671).

Разведотряд 15 пд сменил 1/3 98 пд у Тарутино? См. выше.

19 ноября.

43-я армия продолжала занимать прежние рубежи обороны и продолжала разведку (с. 675).

12 ак. День прошёл спокойно. Незначительный беспокоящий артиллерийский огонь.

Восточнее-юго-восточ. района НИКОЛЬСКОЕ части 98 пд заняли восточ. берег р. НАРА (с. 686).

20 ноября по оперативной сводке № 267 Ген. шт. *Красной армии:*

«Положение 43-й армии – без изменений. На участке ЛЕОНОВО – РЫЖКОВО – ТУНАЕВО – ДЕДНЯ противник производил отрывку окопов, минировал подступы и создавал завалы. Армией за 18.11 уничтожено до 70 человек, 2 ПТО, зен. орудие противника; разрушено 5 его блиндажей, 8 окопов, 2 пул. Гнезда и 2 нп; подавлено 3 миномётные 2 артбатареи противника» (Битва..., 2002. С.630, 638, 639, 656, 692).

В дальнейшем на нашем участке активно действовали разведгруппы, были отдельные атаки мелких групп, артобстрелы и др.

«Большую помощь разведчикам 17-й стрелковой дивизии оказывали жители района. Накануне наступления на дд. Леоново и Тунаево в штаб полка, располагавшегося **в Бегичеве**, были вызваны комсомолки Дуся Потапова, Дуся Орлова и Люба Ботвина. Они должны были переправиться через Нару и собрать сведения о противнике, а во время наступления советских войск перерезать немецкую телефонную связь. Комсомолки все выполнили».

12 ак.

98 пд: 2/3 на участке: 3 км севернее БУРИНОВО – р. НАРА северо-восточнее РЫЖКОВО. 1/3 без изменений (с. 702)

21 ноября.

12 ак. на южном фланге 12 ак южнее р. НАРА оживлённые действия разведчиков. Наши разведгруппы установили наличие противника на линии: 1 км западнее района ТЕРЕХУНКА – 2,5 км северо-западнее района ТЕРЕХУНКА и севернее отсюда (с. 713).

12 ак. По-прежнему. В ночь на 22 11. части 98 пд отведены с фронта юго-восточнее НИКОЛЬСКОЕ (с. 714).

22 ноября.

43-я армия занимала прежнее положение. На фронте артиллерийская и миномётная перестрелка и поиски разведчиков (с. 718).

12 ак. Артиллерийский огонь и поиски разведчиков (с. 727).

23 ноября.

В ночь с **23 на 24 ноября** разгром штаба 12 АК в Угодском Заводе

43-я армия занимать прежнее положение. На фронте редкая артиллерийская и миномётная перестрелка (с. 735).

Штаб 4-й армии докладывает: между реками ПРОТВА и НАРА наши разведгруппы подтверждают тот факт, что противник усиленно роет окопы (с. 743).

24 ноября.

43-я армия продолжала занимать и укреплять прежние рубежи обороны, вела разведку и артминомётным огнём уничтожала отдельные группы противника. Противник активности не проявлял. (с. 748).

49-я армия в течение дня производила смену частей. 415 сд производила смену 1/816 сп на своём правом фланге и занимала общий рубеж СИДОРЕНКИ – ЛЕСН. (2 км вост. БУРИНОВО (с. 749).

Штаб 4-й армии докладывает: на южном крыле и центре армии по сравнению с промежуточным донесением никаких изменений не произошло (с. 759).

25 ноября.

43-я армия продолжала занимать прежние рубежи обороны, ведя разведку и огнём отражала атаки противника на отдельных участках. Противник с 8.00 до 6.45.24.11 по всему фронту армии вёл сильный артминомётный огонь (с. 763).

В полосе 12 ак активные действия разведгрупп. Ударные части, действующие на фланге наступления армии, в ходе частных боев, носивших местами упорный характер, вновь продвинулись вперёд (с. 772).

26 ноября.

Части **33-й, 43-й и 49-й армий** продолжали занимать прежние рубежи обороны занимали прежние рубежи обороны. Противник активности не проявлял.

27 ноября.

43-й и 49-й армий занимали и укрепляли прежние рубежи обороны (с. 785).

28 ноября.

Части **33-й, 43-й и 49-й армий** продолжали занимать прежние рубежи обороны

Партизанский отряд Карасёва (на фронте 43-й армии) в составе 250 человек в 2.00 24 ноября произвёл, налёт на УГОДСКИЙ ЗАВОД и истребил до 500 человек солдат и офицеров, разгромил штаб, предположительно – корпуса, заправочную и авторемонтную базы, уничтожил 7 машин с горючим, 3 танка противника и захватил оперативные документы. Отряд потерял 8 человек (с. 795).

29 ноября

5-я, 33-я, 43-я армии занимали прежнее положение (с. 810).

30 ноября.

5-я, 33-я, 43-я армии занимали прежнее положение

49-я армия. 415 сд оборонялась на рубеже СИДОРЕНКИ – ЛЕСН. – ж.д (15, км западнее платф. «21 км») (с. 816).

12 ак

15 пд (без противотанкового дивизиона), сменённая 98 пд в районе Б. ЛИТАШОВО – МИНКИНО – ТРЯС (иск.) – Б. РОСЛЯКОВКА – ПАФНУТЬЕВКА (иск.) (с. 824).

1 декабря

немцы пытались прорвать нашу оборону

33-я и 43-я армии занимали прежнее положение

4 армия. Продолжаются разведывательные поиски перед 13 ак и 12 ак

4 декабря

5, 33 и 43А восстановили статус кво

23 декабря немцы ушли из Рышкова

25 декабря освобождена Чернишня, Тарутино 53 сд (1316 сп)

Агафьино, Дубровка

25 декабря 1941 г. войска 17-й и 53-й стрелковых дивизий перешли в наступление. Генерал-лейтенант Г.Д. Пласков, начальник артиллерии 53-й стрелковой дивизии, так вспоминал о волнующей минуте начала наступления солдат, пока еще привыкших отступать: «...поднимется ли наша пехота, не упустит ли благоприятный момент? Ведь по существу, дивизия еще ни разу не наступала. Вижу из окопов выскакивают люди, перепрыгивая бруствер, бегут вперед. Их все больше и больше. Могучее "ура" перекрывает грохот орудия. Пошли! Оборона врага прорвана. Все устремляются на запад».

2 января 1942 г. части 17-й и 53-й стрелковых дивизий освободили город Малоярославец (*Прокин Ю, Соловьёв М., 1977. С.81*)

«По неофициальным данным, под Леоново в боях погибло 2000 человек, но не всех удалось сразу похоронить. Много могил есть по дороге от Леоново к Чубарово. Тела многих бойцов весной половодьем унесло в Нару. Была, в одном месте, группа погибших офицеров из 16 человек. Сверху лежал обгоревший труп молодого лейтенанта. Его сожгли после пыток. Отдельная могила капитана Никитина – командира ополченцев. Здесь приняли первый бой 500 новобранцев из Плехановского института (студенты и преподаватели). В живых осталось лишь 19 человек. На памятнике Никитину были написаны стихи и помещена его фотография, но «время» их не сохранило.